

Виктор СУВОРОВ
Алексей ИСАЕВ

ГИТЛЕР- ПОБЕДИТЕЛЬ

Мог ли фюрер
выиграть войну?

Михаил БАРЯТИНСКИЙ
Сергей КРЕМЛЁВ
Александр БОЛЬНЫХ

Владимир БЕШАНОВ
Андрей БУРОВСКИЙ
Валентин РУНОВ
Владислав САВИН

АЛЬТЕРНАТИВЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Коллектив авторов

**Гитлер-победитель. Мог ли
фюрер выиграть войну? (сборник)**

«Яуза»

авторов К.

Гитлер-победитель. Мог ли фюрер выиграть войну? (сборник) /
К. авторов — «Яуза»,

Нам со школьной скамьи внушают, что история-де «не знает сослагательного наклонения». Среди специалистов изучение альтернативных вариантов прошлого до сих пор считается чем-то совершенно необязательным, бесполезной забавой на грани чудачества, пустой тратой времени, досужей «игрой в бисер», которую лучше отдать на откуп писателям-фантастам. Этот проект впервые поднимает игру в «ЕСЛИ» на профессиональный уровень. В этой книге ведущие военные историки всерьез обсуждают альтернативы Второй Мировой, том числе и самую пугающую из них: мог ли Гитлер победить? Имелись ли у нацистов шансы выиграть войну? Способен ли был Вермахт окончательно разгромить Красную Армию, взять Москву, дойти до Урала и заставить Сталина капитулировать? И к чему бы это привело?

© авторов К.

© Яуза

Содержание

Алексей Исаев	5
«Шверпункт»	6
Перманентная мобилизация	13
Новый план: дьявол в мелочах	14
Катастрофа, которая могла случиться	18
С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий	27
Михаил Барятинский	32
Владимир Бешанов	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Суворов, Алексей Исаев, Михаил Барятинский и др Гитлер-победитель. Мог ли фюрер выиграть войну?

Алексей Исаев

В поисках утраченного «шверпункта»¹

Чем дальше в прошлое уходят те или иные исторические события, тем больше нам кажется, что по-другому и быть не могло. Однако под лозунгом «история не знает сослагательного наклонения» мы начинаем забывать, что в 1941 г. речь шла о физическом выживании СССР и его жителей. Угроза военного поражения была вполне реальной, и только титанические усилия народа и цепочка правильных решений со стороны руководства страны позволили СССР выстоять. Если об этом хотя бы на минутку забыть, то на поле забвения сразу же вырастают сорняки типа «СССР спасли ошибки Гитлера» и «блицкриг был поглощен территорией». То есть И.В. Сталину, Г.К. Жукову, С.К. Тимошенко и многим другим можно было сесть на завалинке и ждать, когда немецкий «блицкриг» будет поглощен бескрайними просторами европейской части СССР.

Задача разгрома развернутой и мобилизованной французской армии в 1940 г. при численном превосходстве союзников была не менее сложной, чем разгром неотмобилизованной и недоразвернутой Красной Армии в 1941 г. Однако среди германских штабистов нашелся такой человек, как Манштейн, который придумал, как заставить союзников врасплох и разгромить их. Однако разработка Манштейна была отнюдь не первым вариантом плана «Гельб». Если бы была реализована одна из этих предыдущих разработок, война на Западе вполне могла закончиться для фюрера провалом. Точнее, вместо «блицкрига» получилась бы затяжная война на истощение. Мы вполне могли никогда не узнать о существовании идеи броска через Арденны к Ла-Маншу.

Точно так же у нас нет гарантии, что было невозможно придумать план войны с СССР столь же эффективный, как предложенный Манштейном для Франции «удар серпом». Это ни в коей мере не умаляет заслуг Красной Армии в срыве «Барбароссы». Оказавшись в изначально невыгодных условиях, советское командование смогло сопротивляться достаточно энергично, чтобы недостатки немецкого плана войны с СССР вылезли наружу.

¹ Schwerpunkt – центр тяжести, участок (направление) главного удара; главное направление; ударная группа. – Военный немецко-русский словарь. М.: ОГИЗ, 1945.

«Шверпункт»

Почему план «Гельб» привел к падению Франции, а план «Барбаросса» не привел к краху СССР? Версию о том, что французы не хотели воевать, оставим на совести французских военачальников, которые, собственно, стали первоисточником этой незатейливой точки зрения. Их можно понять: в противном случае обвинение в провале было бы предъявлено им самим. В действительности Франция была вчистую разгромлена на поле боя. Произошло это как следствие стратегических и тактических ошибок французского командования, так и в результате правильной стратегии и тактики немцев. Немцы сосредоточили крупные танковые силы и ударили там, где их не ждали. Французы не смогли организовать оперативного контрудара во фланг и тыл прорывающейся к Ла-Маншу танковой группе.

Помимо промахов в ведении операции, французское командование вступило в нее в невыгодной конфигурации сил. Собственно, стратегическая ошибка, подобная выдвижению крупных сил французской армии (включая элитные соединения) на рубеж реки Диль, имела место и в случае с СССР. Советским политическим руководством не была нажата «красная кнопка», запускающая процесс мобилизации и развертывания РККА. То есть свой вклад в возможное поражение СССР с советской стороны был уже сделан. Однако нельзя сказать, что немецкое командование в полной мере воспользовалось этим очень серьезным промахом.

Одним из ключевых моментов германской военной доктрины было понятие «шверпункта» – точки приложения основных усилий. Немецкий военачальник Гинденбург в свое время сказал: «План без «шверпункта» – это все равно что человек без характера». Если мы проследим эволюцию плана «Гельб», то увидим, что он постепенно эволюционировал в направлении ярко выраженного «шверпункта». В директиве от 29 октября 1939 г. было два «шверпункта». В директиве от 30 января 1940 г. было аж три «шверпункта». Только в директиве от 24 февраля 1940 г. появился один ярко выраженный «шверпункт». Это был удар танковой группы Клейста в составе пяти танковых дивизий. План «Гельб» получил свой «характер» в том смысле, в котором его понимал Гинденбург.

В мае 1940 г. во Франции тоже было три группы армий: «А», «Б» и «Ц». Семь из девяти танковых дивизий были в группе армий «А», оставшиеся две – в группе армий «Б». Причем последние были позднее переданы в группу армий «А». Группа армий «Ц» Лееба, стоявшая перед линией Мажино, вообще не имела ни одной танковой дивизии. В реальной «Барбароссе» в группе армий «Север» было три танковых дивизии, в группе армий «Центр» – девять танковых дивизий, в группе армий «Юг» – пять танковых дивизий. При этом следует учесть, что из трех танковых дивизий в группе армий «Север» две были на чешских танках, а в группе армий «Юг» не было ни одной танковой дивизии, вооруженной танками чехословацкого производства. Таким образом, несмотря на то что группа армий «Центр» была сильнее своих соседей, ярко выраженного «шверпункта» все же не наблюдается.

Разумеется, географические условия СССР заставляли задумываться о нескольких изолированных направлениях, каждое из которых имело свой «шверпункт». Поэтому с точки зрения учета географических условий план «Барбаросса» был достаточно разумным. Но блистательности плана Манштейна в нем все же не было. План «Барбаросса» был хорош для обычной войны. Германии же нужен был план быстрого сокрушения противника с максимальным использованием момента внезапности.

В случае с Францией «шверпунктом» был удар крупных масс танков через Арденны к Ла-Маншу, отрезающий войска союзников в Бельгии от главных сил французской армии. Это была достаточно прозрачная и понятная цель. В случае с СССР тоже вполне определенно просматривается ряд «шверпунктов», на которых возможно сосредоточить все усилия. Первым из них можно назвать собственно Красную Армию. Быстрый, молниеносный разгром ее главных сил

вполне мог сделать поход на Восток очередным «блицкригом». Уже на одном из первых совещаний у главнокомандующего сухопутных войск Германии по вопросу планирования войны с СССР (22 июля 1940 г.) было сказано: «Необходимо разбить русскую сухопутную армию или, по крайней мере, занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов авиации противника». Однако Красная Армия была трудной целью. Советское руководство обладало незаурядным умением накапливать резервы и восстанавливать силы после тяжелых поражений. Командующий 3-й танковой группой Герман Гот позднее писал: «Приходилось довольствоваться следующим заключением: несмотря на все победы, нельзя предотвратить восстановления русской армии». Тем самым Гот косвенно указывал на возможности советской «перманентной мобилизации», которая в итоге похоронила «Барбароссу».

Еще одним очевидным «шверпунктом» была Москва. Чем же была Москва для СССР? Обычно на первое место ставится политическое значение советской столицы. Безусловно, потеря Москвы была бы серьезным ударом по престижу советской власти и лично И.В. Сталина. В отличие от 1812 г., когда Москва была просто важным и крупным городом, в 1941 г. здесь была столица страны. Сообщение о потере Москвы, скорее всего, привело бы в уныние значительную часть населения СССР.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что государственный аппарат вряд ли бы остановился просто ввиду захвата столицы. Как известно, на случай потери Москвы предусматривалась эвакуация правительства в Куйбышев. Столицу, впрочем, можно было разместить хоть в Вологде. Однако Москва была для СССР не просто городом, в котором располагались министерства и сидел Сталин, это был центр коммуникаций. Причем следует отметить, что германское командование это прекрасно осознавало. Так, в директиве № 21, т. е. плане «Барбаросса», прямым текстом указывалось: «Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла».

Если мы посмотрим на карту железных дорог СССР образца 1941 г., то увидим, что крупные магистрали сходятся к Москве. На практике это означает, что перевозки из портов на севере страны, куда приходили арктические конвои, осуществлялись через Москву. Волховский фронт под Ленинградом также снабжался через Москву. Танки с Урала для войск Волховского и Северо-Западного фронтов везли опять же через Москву. Легкие танки и автомашины из Горького везли через Москву. Более того, даже если Ленинград не будет блокирован, перевозки танков КВ для остальных фронтов будут сопряжены с большими трудностями. Не меньшие трудности составит снабжение Кировского завода сырьем для производства тяжелых танков. То же самое можно сказать об автомагистралях Страны Советов. Более того, к Москве сходились основные ВАД, т. е. военные автомобильные дороги, по которым шло снабжение войск. Обходные маршруты по шоссе и железным дорогам существовали, но их пропускная способность была намного ниже, чем магистралей, сходящихся к Москве. Поэтому захват немцами Москвы существенно ухудшил бы условия снабжения всех фронтов оружием и техникой.

Несмотря на эти достаточно очевидные соображения, германское военное планирование колебалось относительно места Москвы в кампании против СССР. Начальник отдела обороны страны ОКВ Вальтер Варлимонт описал их так: «Если ОКХ (Главное Командование сухопутных войск. — А.И.) считало критерием успеха всего похода направление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы противника, то Гитлер потребовал, чтобы центральная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала повернула бы часть своих сильных подвижных группировок на север, имея в виду во взаимодействии с северной группировкой уничтожить войска противника, сражающегося в Прибалтике, и далее, после овладения Ленинградом и Кронштадтом,

наступала бы на Москву»². Таким образом, изначально в «Барбароссу» закладывались метания в направлении флангов.

При этом нельзя сказать, что немецкие военачальники не задумывались о значении Москвы. Констатируя сложность задачи уничтожения Красной Армии, Герман Гот делал следующий вывод: «Не гнаться за экономическими целями, а точно определить политическую цель – настолько ослабить военную и политическую мощь России, чтобы ее повелитель вынужден был пойти на переговоры. Тогда целью войны и целью операции была бы Москва».

Действительно, экономические цели «Барбароссы» были актуальны скорее для периода после завершения войны с СССР или хотя бы ее активной фазы. Во всяком случае, захват Донецкого бассейна вряд ли бы оказал немедленное влияние на обстановку на фронте. Соответственно, немедленное решение задачи захвата Донбасса представляется избыточным условием для военного плана быстрого сокрушения Советского Союза. Столь же переоцененным является необходимость вывода из-под удара советской авиации целей на территории Германии и ее союзников. Нужно просто задать себе вопрос: будет ли у образования, оставшегося на месте СССР, достаточно политической воли для производства и применения стратегической авиации?

Собственно, в ходе своего броска к Ла-Маншу танковая группа Клейста в мае 1940 г. никакие экономические цели не преследовала. Решение Французской кампании было найдено в оперативной плоскости. Был разработан план, позволяющий решить исход войны одной операцией. Можно даже сказать, что это была операция со стратегическими целями. При этом план «Гельб» в том виде, в котором он был реализован, появился далеко не сразу. Блистательное решение было разработано Манштейном после того, как уже была подготовлена череда более тривиальных решений. Ввод в действие плана «Гельб» в том виде, в котором он впервые был проработан осенью 1939 г., вряд ли бы привел к такому оглушительному успеху, какой имел место в реальном мае 1940 г. Такое же смелое решение требовалось для плана «Барбаросса».

Конечно, следует признать, что Красная Армия была более энергичным и деятельным противником, чем французы. Чрезмерная медлительность и методичность французских генералов при подготовке контрударов чаще всего приводили к их безнадежному запаздыванию. Напротив, РККА демонстрировала энергичный и агрессивный стиль ведения боевых действий. Германские плацдармы чаще всего атаковывались с неукротимой энергией. Этот стиль был продемонстрирован еще Г.К. Жуковым на Баин-Цагане в начале июля 1939 г. Впрочем, на этапе планирования войны с СССР немцы еще об этом активном характере РККА не знали и делали выводы преимущественно по итогам «зимней войны».

Вообще говоря, именно скудные сведения о Красной Армии были главным препятствием к тому, чтобы сделать советские Вооруженные силы «шверпунктом» «Барбароссы». Одной из слабостей германского военного планирования в период подготовки войны с СССР были весьма размытые представления о численности и возможном характере действий противника. Эти вопросы встали с особой остротой после того, как от общего замысла германское военное планирование перешло к постановке конкретных задач группам армий. Так на совещании, состоявшемся в Берлине 31 января 1941 г., главнокомандующий германских вооруженных сил фельдмаршал фон Браухич информировал командующих группами армий, что германский план базируется на предположении, что Красная Армия даст сражение к западу от линии Западной Двины и Днепра.

² Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Наука, 1972. С. 252 со ссылкой на W. Warlimont Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939–1945. Frankfurt a/M., 1962, S.152.

Уже тогда, в январе – феврале 1941 г., этот тезис вызывал сомнения в среде высшего германского командования. Вскоре после совещания фон Бок скептически отметил в своем дневнике: «Когда я спросил Гальдера, есть ли у него точная информация относительно того, что русские будут удерживать территорию перед упомянутыми реками, он немного подумал и произнес: «Такое вполне может быть». Таким образом, германское планирование с самого начала исходило из некоего предположения, основанного на самых общих рассуждениях. В действительности, как мы знаем, это предположение оказалось ложным. Красная Армия оказалась упреждена в развертывании, и советское командование, даже если бы захотело, не могло бы дать сражение к западу от Западной Двины и Днепра. В район к западу от этих рек попали только армии особых округов. Соответственно, в реальном июле 1941 г. Смоленское сражение развернулось на рубеже Западной Двины и Днепра, а также к востоку от него. Одним словом, в реальности Красная Армия дала бой совсем не там, где предполагал фон Браухич.

Произошло это вовсе не потому, что советское командование переиграло фон Браухича. Никакой мифический Штирлиц на совещании 31 января 1941 г. не присутствовал, пространную шифровку он не составлял и о взглядах Браухича не докладывал. Собственно, с точки зрения реальных советских предвоенных планов предположение Браухича вполне соответствовало действительности. Красная Армия действительно собиралась сосредоточить главные силы в трех приграничных округах и дать бой к западу от Западной Двины и Днепра. Однако, ввиду упреждения РККА в мобилизации и развертывании, эти планы не были реализованы. Предвоенное планирование было похоронено, и планы действий разрабатывались на ходу сообразно сложившейся катастрофической обстановке.

Все то же самое можно сказать о немецких оценках численности Красной Армии. Так, на начальном этапе планирования операции «Барбаросса», в августе 1940 г., силы Красной Армии оценивались следующим образом. Предполагалось, что советские Вооруженные силы на Западе насчитывают 96 стрелковых, 23 кавалерийских дивизии и 28 танковых бригад. В действительности Красная Армия в августе 1940 г. насчитывала на западе (в европейской части страны) 143 стрелковых, 10 кавалерийских, 7 моторизованных и 16 танковых дивизий, а также 15 танковых бригад. При таких грубых ошибках в численности войск противника трудно делать его армию «шверпунктом» операции. К тому же началом боевых действий все эти оценки вообще потеряли всякую ценность ввиду раскручивания советским руководством маховика «перманентной мобилизации». Мне могут возразить: «Но ведь немцы тогда не знали реальной численности войск противника!» На это можно заметить, что немецкая разведка сталкивалась со значительными трудностями при работе в СССР. Сами по себе сложности в процессе добычи информации об армии противника заставляли задуматься: а стоит ли ее делать главной целью операции?

Из анализа германского предвоенного планирования приходится сделать парадоксальный с точки зрения сложившихся стереотипов вывод: план «Барбаросса» вовсе не рассчитывался на упреждение Красной Армии в мобилизации и развертывании. Разумеется, германским военным и политическим руководством предпринимались титанические усилия по сохранению в тайне своих планов. Однако реальный эффект от кампании дезинформации оказался выше ожидаемого. 5 декабря 1940 г., представляя фюреру план операции «Отто» (первоначальное название плана войны с СССР), Гальдер отмечал, что вряд ли удастся сохранить в тайне от противника немецкие приготовления после начала или середины апреля 1941 г. Тогда войну с СССР предполагалось начать в мае 1941 г. То есть примерно за месяц до завершения сосредоточения германских войск для удара по СССР советское руководство должно было начать принимать контрмеры. В итоге план «Барбаросса» предполагал разгром развернутой Красной Армии у границ, к западу от пресловутой линии Западной Двины и Днепра.

Напомню, что замысел плана «Барбаросса» был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в сме-

лых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»³. Обращаю внимание на формулировки «основные силы» и «отступление боеспособных войск». Определение «основные силы» не очень подходит к сосредоточенным в особых округах советским войскам. Да, в Прибалтийском, Западном и Киевском особых округах было немало танков и самолетов. Но в расчете на число соединений они не были «основными силами». Это определение в большей степени применимо к войскам особых округов и армиям внутренних округов, взятым в совокупности. Достаточно посмотреть на число соединений. В трех особых округах на реальное 22 июня было 75 стрелковых дивизий, в армиях резерва Ставки (т. е. армиях внутренних округов) было 42 стрелковых дивизии. Еще 59 стрелковых дивизий было в военных округах и недействующих фронтах на Дальнем Востоке.

Задача разгрома «основных сил русских сухопутных войск» не только в прилегающих к границе областях, но и в глубине территории была, прямо скажем, нетривиальной. Она требовала прорыва на большую глубину германских танковых соединений. Операции танковых сил на большую глубину были бы явно неоднозначно восприняты германским командованием. Это уже потом, после нескольких успешных «блицкригов», германскому командованию оптом были приписаны прогрессивные взгляды. В действительности далеко не весь высший командный состав Вермахта осознавал реальные возможности того инструмента, который оказался у них в руках. Возможности «панцерваффе» сплошь и рядом недооценивались, особенно на этапе планирования операций.

В подготовительный период «Барбароссы» имели место такие же споры, какие предшествовали Французской кампании. 18 марта 1941 г. фон Бок записывает в своем дневнике:

«Подключение к первой фазе наступления 3-й танковой группы представляет известные сложности. Гот забегает вперед, изначально устремляя свой взгляд на позиции русских за Двиной и Днестром, и уделяет недостаточно внимания сражениям, которые могут развернуться на подступах к этим водным рубежам. Армейское командование, однако, считает, что первейшей задачей бронетанковых групп является оказание помощи полевым войскам в разгроме русских армий, дислоцирующихся на границе. И хотя я во многом солидарен с Готом, мне придется поубавить ему прыти. Но он свои позиции без борьбы не уступит. По этой причине я отрядил Трескова в Берлин, чтобы он там выяснил, насколько твердо армейское командование в своих намерениях».

Перед Французской кампанией эти сомнения относительно возможностей танковых соединений к самостоятельным действиям были преодолены. В ходе подготовки к «Барбароссе» ситуация была сложнее.

Складывается впечатление, что германское командование совершенно не было готово к упреждению противника в развертывании. Даже после того, как выяснилось, что на границе не так много советских войск, инерция предвоенного планирования не позволила модернизировать планы. Точнее даже будет сказать, что немцы словно не замечали очевидного. Так, 2 июля Гальдер докладывал Гитлеру состояние дел на Востоке и, в частности, освещал ситуацию в районе Минска. Начальник германского Генерального штаба бодро сообщил, что в результате достигнутого ГА «Центр» успеха противнику не удастся создать на этом участке организованного фронта. Фюрер отнесся к этому заявлению скептически и задал сакраментальный вопрос: «Где, в таком случае, пленные?» Фон Боку пришлось оправдываться, что 100 тыс. человек пленных, взятых в «котле» у Белостока и Волковыска, это тоже неплохо.

Решения по-прежнему принимались, исходя из предположения, что большая часть Красной Армии на Западном ТВД находится к западу от Днепра и Западной Двины. В сущности, советский Западный фронт Д.Г. Павлова был не самой достойной жертвой для двух танковых

³ 1941 г. Документы. С.452.

групп. Даже заявленная немцами в реальности цифра в 300 тыс. человек пленных заметно отстает от других операций, в которых в бой шли сразу две танковые группы на одном направлении. Удары 1-й и 2-й танковых групп в сентябре 1941 г. привели к крупнейшему окружению в истории войн – киевскому «котлу». По советским данным, в этот «котел» попало 530 тыс. человек. Наступление 3-й и 4-й танковых групп под Вязьмой в октябре 1941 г. привело к разгрому Западного и Резервного фронтов, в окружение попало почти 600 тыс. человек. В действительности же цифра 300 тыс. пленных под Белостоком и Минском представляется сильно завышенной. По советским данным, только окружено было около 270 тыс. человек, причем значительная часть, около 30–50 тыс. человек, сумела вырваться на свободу.

В истории Второй мировой войны есть операции без крупных окружений, приносившие тем не менее большое количество пленных. Так, в ходе Висло-Одерской операции в январе 1945 г. советские войска взяли почти 140 тыс. пленных, хотя ударов по сходящимся направлениям и «котлов» в ней не было. Точнее, окружения были, но скорее тактические. Более того, в 140 тыс. пленных не попали пробившиеся к своим «блуждающие котлы» из организованно пробивавшихся к своим немецких подразделений. Наиболее известным примером является «блуждающий котел» из остатков корпуса Неринга. Такие «котлы» даже снабжались по воздуху. Реализация «блуждающих котлов» частями и соединениями Красной Армии летом 1941 г. представляется почти невероятной. Хотя бы ввиду отсутствия технической возможности снабжать их по воздуху. Немцы в условиях превосходства советских ВВС в воздухе привлекали для сброса парашютных контейнеров самолеты-истребители. Контейнер с боеприпасами, топливом или продовольствием подвешивался на «мессершмит» на держатель для 250-кг бомбы. Связавшись по радио с «блуждающим котлом», командование назначало точку рандеву, в которой сбрасывались парашютные контейнеры.

Масштабы снабжения по воздуху в Красной Армии 1941 г. были значительно меньшими. Попытки перебрасывать самолетами боеприпасы, топливо и другие предметы снабжения носили эпизодический характер. К тому же так пытались снабжать статичные «котлы» типа Могилева. О снабжении групп пробивающихся к своим окруженцев речи не было. Им приходилось рассчитывать только на свои силы. Соответственно, недостаток боеприпасов мог означать быстрый разгром в столкновении даже с небольшим отрядом противника. Отсутствие топлива заставляло бросать любой транспорт, в том числе машины с рациями. Поэтому общий развал фронта и глубокий прорыв танковых соединений по модели Висло-Одерской операции создавали условия для попадания в плен даже без крупного окружения. Отходящие по лесам группы неизбежно напарывались на заслоны в узлах дорог и на переправах. Не имея возможности нести на себе запас боеприпасов и тяжелое оружие, такие отряды если и прорывались, то с большими потерями.

Может возникнуть закономерный вопрос: а не злоупотребляет ли автор послезнанием? Раз в действительности германской разведкой не были вскрыты армии резерва Ставки, то почему они должны возникнуть как цель еще на ранних этапах планирования операции против СССР? Допущение здесь делается несколько в другой плоскости. В поисках лучшего решения за немцев мы обращаем внимание на правильную формулировку целей войны. Вооруженные силы противника – это, конечно, достойная цель. Но Москва как столица и центр коммуникаций представляет собой более заманчивую и реалистичную цель для Вермахта. Все остальное должно быть подчинено этой главной цели. Разгром «основных сил» Красной Армии – это лишь один из этапов на пути к Москве. Если советскую столицу будет некому защищать, она будет захвачена.

Сужение целей кампании до захвата Москвы одновременно сужает ту область, в которой требуется уничтожить «основные силы». Ей становится московское, западное направление, т. е. Белоруссия и район Смоленска и Вязьмы. В сущности, если Москва будет достаточно быстро захвачена, ничто не мешает развернуться в сторону флангов. Точно так же в 1940 г. после плана

«Гельб», в результате которого были отрезаны и прижаты к морю крупные силы французской армии и английских экспедиционных сил, последовал план «Рот», в результате реализации которого Франция была окончательно разгромлена. В результате разгрома под Дюнкерком из рядов французской армии были вырваны крупные силы, в том числе подвижные. Это создало благоприятное соотношение сил между немецкими войсками на Западе и оставшейся частью французской армии.

Вообще говоря, слова о Москве как цели № 1 прозвучали уже на самых ранних стадиях планирования войны с СССР. Еще 26 июля 1940 г. Гальдер записывает в своем дневнике:

«Кинцель (4-й обер-квартирмейстер): Доклад об основных данных о противнике для операции против России. Из доклада явствует, что наиболее выгодное решение – наступление на Москву (сохраняя примыкание к Балтийскому морю), после чего – обход с севера русской группировки, находящейся на Украине и Черноморском побережье, которая будет вынуждена действовать с перевернутым фронтом».

Интересно отметить, что эти слова прозвучали вскоре после Французской кампании, в которой был реализован простой, но красивый и эффективный план. Столь же красивой и эффективной представляется высказанная Гальдером идея: сильный удар на Москву из района Варшавы и Восточной Пруссии и последующий поворот в тыл Юго-Западного фронта. Уже осенью план «Барбаросса» стал обрастать изменениями и дополнениями, которые в итоге привели к ускользанию из него «шверпункта». План получился в целом разумным, но в терминах Гинденбурга «бесхарактерным».

Перманентная мобилизация

Недооценка численности Красной Армии германским командованием существенно повлияла на результаты летней кампании 1941 г. Однако этот промах был усугублен сильным ответным ходом советского руководства, сделанным на том же поприще строительства Вооруженных сил. Самым сильным решением советского руководства летом 1941 г. стала так называемая «перманентная мобилизация». Именно формирование новых соединений позволяло не только раз за разом восстанавливать фронт после «котлов», но и перейти в контрнаступление в ноябре 1941 г. под Тихвином и Ростовом, а в декабре 1941 г. – под Москвой.

Собственно, вопрос заключается в том, сколько эшелонов соединений, поднятых по «перманентной мобилизации», Вермахт способен перемолоть и не потерять при этом боеспособность. В реальности немцам пришлось столкнуться с тремя эшелонами «перманентной мобилизации». Первым были дивизии, формирование которых начали вскоре после начала войны. Некоторые из этих дивизий пошли в бой уже в конце июля 1941 г. Второй эшелон составили дивизии летнего формирования, попавшие на фронт осенью 1941 г., в том числе танковые бригады, создание которых началось в августе. Наконец, большой жирный крест на «блицкриге» поставили соединения формирования осени 1941 г., которые образовали костяк войск, перешедших в контрнаступление под Москвой в декабре месяце.

Без вливания свежих сил войска трех групп армий на Востоке могли справиться с одним эшелоном «перманентной мобилизации», т. е. дивизиями летнего формирования, вступившими в бой в июле – сентябре 1941 г.

Новый план: дьявол в мелочах

Для начала альтернативному плану нужно придумать название. «Барбаросса» тут явно не годится, т. к. это название привязано к вполне определенной реальной операции. Чтобы не вносить путаницы, альтернативный план должен иметь свое название. У немцев была традиция «цветных» кодовых наименований. Так, план войны с Польшей получил наименование «Белый» (Fall Weiss), план наступления мая 1940 г. на Западе – «Желтый» (Fall Gelb). Незанятых цветов в этой линейке осталось немного, но позволю себе выбрать «Серый» (Fall Grau). Итак, предположим, что немецкое военное планирование сохранило ту идею, которая была выдвинута в июле 1941 г., т. е. «наступление на Москву (сохраняя примыкание к Балтийскому морю), после чего – обход с севера русской группировки, находящейся на Украине и Черноморском побережье». Это означает, что Москва станет «шверпунктом» плана «Грау».

Трудно, конечно, точно просчитать, как распределили бы силы германские штабисты в результате проработки этого плана. Разделение на три группы армий, скорее всего, состоится. Францию атаковали три группы армий. Было бы странно, если бы большее число соединений отправилось в Восточный поход под управлением всего двух групп армий, как это предполагалось в разработке Маркса лета 1940 г. Несомненно также, что две танковые группы на московском направлении будут существенно усилены.

В том случае, если новый план не потребует радикального увеличения танковых сил, количество танковых соединений в Вермахте остается неизменным. Собственно, создание, например, пятой танковой группы представляется утопией. К тому же решение о реорганизации танковых войск последовало задолго до подписания Директивы № 21. Это означает, что можно и нужно оперировать теми соединениями, которые имелись в реальном 1941 г. Усиление группы армий на московском направлении означает, что три моторизованных корпуса вряд ли окажутся в составе группы армий «Юг». Соответственно, можно допустить, что XXXXVIII танковый корпус Кемпфа и XIV танковый корпус⁴ фон Виттерсгейма окажутся в группе армий «Центр». Пусть первый будет состоять из 16-й и 13-й танковых дивизий и 25-й моторизованной дивизии, а второй – 9-й танковой дивизии и моторизованной дивизии СС «Викинг». В группу армий «Юг» попадает только III танковый корпус в составе 11-й и 14-й танковых дивизий и 16-й моторизованной дивизии. Выделять один танковый корпус в танковую группу бессмысленно, поэтому танковых групп в плане «Грау» должно быть только три: 1-я в Прибалтике в составе группы армий «Север», 2-я и 3-я – в группе армий «Центр». Соответственно, 2-я танковая группа получает в качестве резерва XXXXVIII танковый корпус, 3-я танковая группа – XIV танковый корпус. Таким образом, силы 2-й танковой группы возрастают до семи танковых дивизий в четырех корпусах, силы 3-й танковой группы – до пяти танковых дивизий в трех корпусах.

Одним из важнейших элементов планирования и подготовки здесь является кадровый вопрос. При подготовке «Барбароссы» команда, успешно сокрушившая Францию в 1940 г., была разбросана по разным группам армий. Наиболее опытный командующий объединением класса «танковая группа» – Эвальд фон Клейст – был направлен на Украину. С одной стороны, Киевский особый военный округ был крепким орешком. Для его сокрушения требовался опыт человека, который еще в 1940 г. командовал танковой группой из нескольких танковых (моторизованных) корпусов. Уже будучи в советском плену, Клейст охарактеризовал свойства этого объединения любопытным и даже где-то поэтическим сравнением: «Танковую

⁴ Я для простоты буду называть корпуса «танковыми» (PzK), несмотря на то что формально они были «армейскими моторизованными корпусами» (AK(mot.)). Обозначение «танковые» достаточно часто встречается в немецких документах уже в июне 1941 г.

группу, как средство оперативного управления армейской группировкой, можно сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки⁵, наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя»⁶. Однако на Украине сильный командующий Клейст был буквально поднят под двух харизматичных лидеров – командующего 6-й армией Вальтера фон Рейхенау и командующего группой армий «Юг» Герда фон Рундштедта. С последним Клейст бился за независимость танковой группы еще в мае 1940 г. во Франции. Тогда у него была поддержка Гудериана. В июне 1941 г. Клейст в какой-то мере оказался в одиночестве. Откровенно говоря, ему было уже тесно в роли командующего танковой группой, которую подчиняли армии Рейхенау.

С другой стороны, в Белоруссии и под Смоленском в июле 1941 г. командовать танковой армией довелось такому человеку, как фон Клюге. Этот командующий, как его называли, «клюдер Ханс» (умный Ганс), был неплохим военачальником, но он не слишком подходил для руководства крупными мотомеханизированными соединениями. Командуя 4-й танковой армией, он попросту не справлялся с Готом и Гудерианом одновременно. Был даже момент, когда Клюге слег в постель после очередной битвы с энергичными танковыми командирами. Понятно, что страдали в этом случае в первую очередь интересы дела. Довольно странно, что командовать 4-й танковой армией назначили командующего 4-й полевой армией Клюге. В сущности, штаб обычной пехотной армии был просто переименован. Ему только придали больше подвижных средств связи, в том числе связные «шторхи». Соответственно, для управления пехотными соединениями, вышедшими из подчинения 4-й армии Клюге, вводился еще один «пехотный» штаб – управление 2-й армии Вейхса.

Создание танковой армии стало необходимым в реальной «Барбароссе», тем более оно будет необходимо в плане «Грау». Хотя бы ввиду возрастания количества танковых соединений на направлении главного удара. Очевидно, что для руководства танковой армией нужен был особый человек. Кто это был? Ответ, на мой взгляд, очевиден – Эвальд фон Клейст. Соответственно, наиболее разумным решением для германского Верховного командования является формирование штаба танковой армии заранее, еще до начала кампании. Она просто должна будет выйти на сцену в нужный момент. В реальном 1941 г. танковая армия унаследовала номер от полевой армии. В плане «Грау» можно изначально присвоить новому объединению номер один, т. е. будет создан штаб 1-й танковой армии.

Сообразно заранее назначенному командующему танковой армией также имеет смысл назначить командующих танковыми группами, наступающими в центре, на московском направлении. Представляется, что лучшими кандидатурами тут являются Георг Рейнгардт (вступивший в Восточную кампанию командиром XXXXI танкового корпуса) и Гейнц Гудериан (действительно назначенный с командира танкового корпуса командующим танковой группой). Эти два танковых командира действовали одной командой во Франции в 1940 г. Рейнгардт позднее, уже осенью 1941 г., был назначен командующим танковой группой. В 1942 г. он стал командующим танковой армией, а к 1944 г. дорос до командующего группой армий «Центр». Собственно, это стало его последним назначением. В сущности, толковый танковый командир большую часть войны прокомандовал пехотными соединениями.

Напротив, для методичного Германа Гота более подходящим назначением является командование 1-й танковой группой на вспомогательном направлении. Для него не было бы столь болезненным подчинение танковой группы полевой армии. В реальном 1941 г. он про-

⁵ Вероятно, неудачный перевод, скорее всего, имеется в виду «группа армий». (Прим. автора).

⁶ Генералы и офицеры Вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. – М.: МФД, 2009. С.63.

явил себя энергичным, но лояльным командиром. Итак, у нас выстраивается альтернативный состав командующих:

- 1-я танковая группа – Г. Гот;
- 2-я танковая группа – Г. Гудериан;
- 3-я танковая группа – Г. Рейнгардт.

Также в тылу группы армий «Центр» по новому плану кампании формируется особый штаб – 1-я танковая армия Э. фон Клейста. Ему же до начала операции подчиняются резервы танковых групп, XXXXVIII и XIV танковые корпуса. Сама же армия будет введена в действие после первых боев, которые покажут реальную группировку и силу сопротивления Красной Армии в Белоруссии. Гудериан же получит возможность использовать все три своих танковых корпуса в первом ударе.

Имея такого сильного союзника, как Клейст, танковые командиры смогли бы отстоять самостоятельность своих соединений. Схема ввода в бой танковых групп могла быть оптимизирована под задачу глубокого прорыва через неплотно занятые пограничные укрепления. Соответственно, наилучшим вариантом представляется следующий. Полоса наступления обеих танковых групп занимает одна-две пехотными дивизиями, которые лишь оказывают содействие в прорыве. Исключение составляет только Брестская крепость, для штурма которой будет выделена пехотная дивизия. Остальные пехотные дивизии в полосах наступления танковых групп остаются в глубине. Они втягиваются на советскую территорию только после ухода танковых групп в прорыв. В реальном 1941 г. совместное наступление пехоты 9-й армии и 3-й танковой группы привело к сужению полос наступления и сокращению числа используемых для наступления танковых соединений дорог. Если же из двух левофланговых пехотных корпусов 9-й армии оставить только по одной дивизии, то 3-я танковая группа сможет прорываться на широком фронте к Неману. После преодоления приграничных укреплений и прорыва в глубину построения советских войск в Белоруссии танковые группы под управлением штаба танковой армии устремятся дальше на восток.

Может возникнуть вопрос: а в чем выигрыш? Ведь в действительности Смоленское сражение началось, когда не все части дивизий 22, 20 и 21-й армий заняли назначенные им позиции. Однако есть существенная разница между неприбывшим батальоном и неприбывшим полком. Обстановка летом 1941 г. могла существенно измениться буквально в считанные дни. Например, Полоцкий УР стал в реальном 1941 г. «крепким орешком». Попытки взять его штурмом силами 3-й танковой группы потерпели неудачу. Сопротивление занимавших этот укрепленный район частей Красной Армии было сломлено немцами только с подходом пехотных дивизий. Однако приказ занять доты 174-я дивизия Зыгина получила только 29 июня. Он предписывал «к рассвету 30.6 занять все ДОТы гарнизонами, приведя их в боевую готовность». Соответственно, если бы 28–29 июня даже чехословацкие танки 38(t) 3-й танковой группы подошли к Полоцкому УРу, у них были все шансы на его быстрое преодоление. Без полевого заполнения доты бы продержались недолго.

Как нетрудно догадаться, это не единственный пример. Так, 117-я стрелковая дивизия полковника С.С. Чернюгова прибыла в район Жлобина только 3 июля 1941 г. Она заняла оборону по восточному берегу реки на фронте аж 25 км с сохранением небольшого плацдарма на западном берегу реки в районе собственно Жлобина. То есть до 3 июля 1941 г. оборонять рубеж Днепра под Жлобином было почти некому. Командовавший в 1941 г. 186-й стрелковой дивизией 22-й армии генерал Н.И. Бирюков вспоминал, что «3 июля 170-я стрелковая дивизия закончила прием от нас укрепленного района». До этого, как писал Бирюков в статье в ВИЖе, ему пришлось «Себежский УР до прибытия 170-й стрелковой дивизии оборонять 238-м стрелковым полком». Себежский УР – это 65 км по фронту. Пусть даже полк 186-й дивизии занимал не весь этот фронт. Плотность обороны до первых дней июля, как мы видим, была

просто чудовищно низкая. При таких плотностях вытянутые в линию части армий внутренних округов были бы просто разорваны в клочья подошедшими с запада танковыми корпусами.

Как мы видим, даже несколько дней могли радикально изменить обстановку. Между тем командующий 3-й танковой группой Гот поставил вопрос о рывке к Западной Двине еще 23 июня 1941 г. Тогда его предложение отклонили, перенацелив 3-ю танковую группу на Минск. Минский УР передовые части Гота атаковали уже во второй половине дня 25 июня. Так что оценка времени прорыва к Полоцкому и Себежскому УРам как 27–28 июня не представляется чересчур оптимистичной. Задержка немецких танковых соединений под Минском в реальном июне 1941 г., по большому счету, сыграла на руку советскому командованию. Было выиграно время на сосредоточение армий внутренних округов на рубеже Днепра. В свою очередь, они дали бой на рубеже Днепра и под Смоленском и выиграли время на формирование новых соединений. Если же вместо Минска танковые дивизии устремятся дальше на восток, сценарий развития событий будет совсем другим. В сущности, это будет классическая операция вторжения, нацеленная на срыв мобилизации и развертывания противника, о которой грезили многие генштабисты с момента появления массовых армий.

По какому же сценарию могли бы развиваться события в случае принятия к исполнению немецким руководством гипотетического плана «Грау»? Мы можем их смоделировать, опираясь на историю реального 1941 г. Бои того страшного лета дают нам достаточно материала для расчета возможного хода боевых действий в несколько измененных условиях. Представьте, что нижеследующие строки – это текст из книги по истории, которую написали бы по итогам альтернативного развития событий.

Катастрофа, которая могла случиться

Район Брестской крепости был «ахиллесовой пятой» Западного особого военного округа, да и всей линии армий прикрытия. В Брестской крепости были сосредоточены части сразу двух стрелковых дивизий, предназначенных для занятия обороны в районе Бреста. Утром 22 июня эти части оказались в мышеловке: их не успели вывести из крепости к началу боевых действий. Если на других участках границы дивизии армий прикрытия подтягивались из глубины и вступали в бой с вторгнувшимся на территорию СССР противником, то под Брестом позиции остались практически незанятыми. Одна пехотная дивизия заперла в мышеловке старой крепости те войска, которые могли оказать противодействие удару танков Гудериана. Поэтому на пути самой мощной танковой группы оказались только пульбаты⁷ Брестского УРа и разрозненные части стрелковых дивизий 4-й армии. Они не смогли даже воспользоваться теми преимуществами, которые давала им местность.

Одним из преимуществ атаки крупной массой является распределение шансов на удачу между несколькими игроками. Один из них может вытянуть выигрышный билетик, даже если двое других останутся ни с чем. Именно по такому сценарию развивались события под Брестом. Форсировавший Буг «ныряющими» танками XXXXVII танковый корпус завяз на переправах к северу от города. Труднопроходимая местность сильно замедлила переправу танков. Лесисто-болотистая местность также существенно задержала XXIV танковый корпус к югу от Бреста. Однако XXXXVI танковый корпус успешно прорвался в районе Бреста на шоссе Брест – Минск и продвинулся вперед сразу на 30 км.

Столь же успешным было наступление 3-й танковой группы Рейнгардта на левом фланге группы армий «Центр». Ставка на прорыв приграничных укреплений силами танковой группы оказалась верной – их защищали только отдельные батальоны из состава стрелковых дивизий 11-й армии. Несмотря на тяжелые условия местности, 3-я танковая группа на широком фронте вышла к Неману, захватив сразу несколько переправ. Силы советской 5-й танковой дивизии были распылены в контратаках против нескольких целей, и уже к вечеру 22 июня главные силы танковых дивизий Рейнгардта переправились через Неман. По решению командующего 1-й танковой армией Клейста уже в первый день войны 3-я танковая группа получила из резерва XIV танковый корпус. Танки Рейнгардта на широком фронте двинулись на восток, в направлении Лиды и Молодечно.

Наступление 2-й танковой группы Гудериана 23 июня заметно ускорилося. XXXXVI корпус вышел к Слолиму. Самый сильный резерв Западного фронта, 6-й механизированный корпус, был разделен на две группы – Болдина и Хацкилевича. Частично он был задействован для прикрытия линии Нарева, частично введен в бой под Гродно, и еще два танковых полка контратаковали во фланг 17-ю и 18-ю танковые дивизии. Эта отчаянная контратака задержала наступление XXXXVII танкового корпуса. Здесь танкисты Гудериана впервые столкнулись с новыми советскими танками. В тяжелых боях советские атакующие без поддержки Т-34 и КВ были остановлены. Их расстреливали 88-мм зенитками, немецкие «панцеры» подкрадывались и стреляли в упор подкалиберными снарядами из своих короткоствольных 50-мм пушек.

Однако временная остановка одного из трех танковых корпусов Гудериана не могла принципиально изменить ситуацию. Две танковые группы на московском направлении перешли под управление штаба 4-й танковой армии Клейста уже вечером третьего дня кампании. Исключение составил только XXXXVIII танковый корпус Вернера Кемпфа. В его состав была включена застрявшая на Зельвянке 29-я моторизованная дивизия. Вместо нее Гудериан получил 16-ю моторизованную дивизию. Задачей корпуса Кемпфа становилось содействие 4-й и 9-

⁷ Пулеметные батальоны.

й армиям в разгроме окружаемых под Белостоком советских войск. Однако изъятие одного корпуса было компенсировано мощным воздушным «кулаком». 1-я танковая армия получала поддержку VIII авиакорпуса Вольфрама фон Рихтгофена.

После короткого выпада в направлении Минска днем 25 июня стало понятно, что укрепления на подступах к городу заняты частями Красной Армии. После недолгой проверки на прочность позиций в Минском УРе подвижные соединения 3-й танковой группы развернулись и начали продвижение дальше на восток, вдоль Минского шоссе и на Витебск. Город Борисов оборонялся только отрядом танкового училища. Считалось, что фронт еще очень далеко. Тревожные предчувствия появились, только когда 26 июня с запада к Борисову подошли несколько групп солдат и командиров Красной Армии. Они сообщили, что немцы уже под Минском. Им поначалу просто не поверили и арестовали как дезертиров. Вечером того же дня было видно зарево и слышались звуки далекого боя. Уже ночью к Борисову подъехали танк БТ и полуторка с несколькими перевязанными бойцами и командиром с танкистскими петлицами. На все расспросы они отвечали скупой, сказав только, что они из 5-й танковой дивизии и вели бой с немецкими танками. Было видно, что они подавлены и словно оглушены.

Несмотря на все предупреждения о надвигающейся угрозе, появление на рассвете 27 июня, всего лишь на пятый день войны, перед бетонным мостом на шоссе Минск – Москва немецких танков и броневиков стало шоком. Усугубилась ситуация внезапной атакой немецких диверсантов в форме Красной Армии. Однако мост еще не был толком подготовлен к взрыву, и эта предосторожность немецкого командования оказалась излишней. Первая попытка отбить мост была предпринята курсантами училища, но она потерпела неудачу. Более того, севернее Борисова Березина была форсирована еще одним отрядом немцев. Под угрозой окружения отряд Борисовского училища отошел дальше на восток.

Следующей жертвой немецкого наступления стал эшелон, подошедший к Борисову от Смоленичей. Он был немедленно остановлен и расстрелян немецкими танками. Перехват шоссе сразу же привел к тому, что отходившие от Минска разрозненные группы красноармейцев наткнулись на немецкие засады и сдавались в плен. Та же судьба постигла кавалькаду машин партийных чиновников из Минска, ехавших вместе с семьями.

Одновременно с прорывом к Борисову еще один моторизованный корпус 3-й танковой группы наступал через Лепель и Бешенковичи на Витебск. Корпуса 2-й танковой группы Гудериана наступали на Бобруйск, Могилев и Жлобин. «Быстрого Гейнца» пока раздражало только то, что шоссе Минск – Москва осталось в полосе его соседа Рейнгардта. Он лелеял надежду быстрее своего соседа выйти к Минску и потребовать перенарезки разделительных линий. Но, ввиду упорного сопротивления советской пехоты под Барановичами, к Минску он опоздал. Также Гудериан с нетерпением ждал подтягивания XXXXVIII танкового корпуса.

В то время как подвижные соединения 1-й танковой армии Клейста быстро продвигались к Двине и Днепру, под Белостоком еще гремело сражение на окружение. Использование XXXXVIII танкового корпуса в промежутке между Зельвянкой и Щарой позволило немецкому командованию перехватить основные пути отхода 3-й и 10-й армий. Несмотря на трудные условия местности, немецкой 16-й танковой дивизии генерала Хубе удалось прорваться к Неману и соединиться в районе города Мосты с передовыми частями 9-й армии Штрауса.

На занявшие оборону фронтом на запад немецкие части сразу же обрушился настоящий шквал атак. В попытках прорваться на восток использовалось большое количество советских танков новых типов. 16-я танковая дивизия немцев понесла большие потери в людях и технике. Иногда немецкий фронт давал трещины. Некоторым группам советских окруженцев удалось прорваться за Щару, к Новогрудку и Минску.

Тем временем в штабе Западного фронта лихорадочно размышляли над мерами противодействия германским прорывам. Командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова, хорошо знакомого с танковыми войсками и их оперативным использованием, было трудно удивить

глубокими прорывами. Однако даже он был шокирован рывком германских моторизованных соединений к Днепру и Западной Двине. Части 2-го стрелкового корпуса в Минском УРе отразили первый натиск немецких танков, после которого наступила звенящая тишина. Бойцы всматривались в залитые ослепительным солнечным светом поля, но немцы словно сквозь землю провалились. Вскоре стало понятно, что они прорвались дальше, к Борисову, далеко в тыл Западного фронта. Поначалу их сочли выброшенным противником десантом. Павлов отправил к Борисову на автомашинах отряд из 100-й стрелковой дивизии. Однако отряд напоролся на немецкие танки, был разбит и отошел обратно в Минск. По дороге ему, правда, удалось разгромить штабную колонну и захватить портфель с документами. Они заставили крепко задуматься: судя по карте, на восток, к Лепелю и Толочину, двигались три танковые и две моторизованные дивизии.

Генерал Павлов оказался перед дьявольски трудным выбором. Главные силы фронта были окружены далеко к западу от Минска, под Белостоком. В его руках оставалось несколько пехотных дивизий. Во-первых, это были четыре стрелковые дивизии под Минском, объединенные управлением 13-й армии. Летавшие на разведку летчики докладывали, что Минск с двух сторон обходят огромные колонны техники, включая танки, грузовики и моторизованную артиллерию. Во-вторых, это был 21-й стрелковый корпус под Лидой. Он также столкнулся с танковыми частями немцев, которые, однако, вскоре ушли дальше на восток. Наконец, где-то к югу от Минска находились остатки 4-й армии. Просматривались три возможных варианта действий:

- 1) атаковать в западном направлении, пытаясь вызволить из «котла» 3-ю и 10-ю армии;
- 2) атаковать во фланг и тыл прорывающиеся к Днепру и «смоленским воротам» немецкие танки;
- 3) отходить на рубеж Днепра, стремясь сохранить его для прибывающих из глубины страны войск;
- 4) остаться в районе Минска и занять круговую оборону.

Любой из первых трех вариантов грозил потерей Минска. Для сбора ударного кулака потребовалось бы снимать дивизии из Минского УРа. Контрудар был наиболее осмысленным вариантом действий, но нужно было ответить себе на вопрос о его задачах и перспективах. Сосед справа, Северо-Западный фронт, попросту исчез, словно его никогда и не было. Летавшие на разведку в Прибалтику летчики видели только немцев в пеших колоннах и на автомашинах. Можно было бы бить на юг, но без танков такое контрнаступление было обречено. Отступление на восток тем более вынуждало оставить столицу Советской Белоруссии. Павлов был реалистом и понимал, что потери Минска ему не простят. К тому же отступление стрелковых частей пешком в окружении танков противника грозило превращением отхода в бегство и разгромом в маршевых колоннах.

Генерал Павлов принял решение остаться в районе Минска и вести бой до конца, даже если придется это делать в полном окружении. Не в последнюю очередь это решение объяснялось тем, что он хотел дать спасительный островок тем, кто сумеет вырваться из окружения под Белостоком. Туда, где гремели бои в окружении, было отправлено несколько самолетов, сбросивших вымпелы с приказом отходить на Минск. Как ни странно, в войсках решение Павлова обороняться было воспринято с энтузиазмом. Солдаты и младшие командиры верили, что позади, под Оршей и Смоленском, развернутся и мобилизуются главные силы Красной Армии. Они смогут их вызволить, главное, не сдавать Минск. Западный фронт «крепости Минск» образовали позиции Минского УРа. К северу, югу и востоку от города была быстро возведена полевая оборона.

Приказ на отход к Минску получили далеко не все. Потерявшие связь с командованием остатки разбитых армий Западного фронта отходили на юг, в лесисто-болотистую Припятскую область. Они отступали в район Гомеля. Это часто были довольно многочисленные группы,

по несколько тысяч человек, но без тяжелого оружия. В лучшем случае они выносили с собой станковые пулеметы и минометы. Злые и энергичные окруженцы накапливались на левом крыле созданного заново Западного фронта. Это были уже опытные бойцы, которые знали, что немцев можно бить.

Окруженные в районе Минска войска вскоре получили наименование «группа Павлова». Называть несколько стрелковых дивизий «фронтом» уже не имело никакого смысла. Предложение вылететь в Смоленск из Минска на присланном самолете Павлов отклонил. Западный фронт стал формироваться заново. Новым командующим Западным фронтом стал нарком обороны маршал С.К. Тимошенко. К моменту, когда Тимошенко вылетел из Москвы в Смоленск в штаб формирующегося заново Западного фронта, ситуация еще казалась контролируемой. Из внутренних округов на рубеж Западной Двины и Днепра прибывало несколько свежих армий. Кроме того, Тимошенко был доволен ходом боевых действий на Украине, где войска Юго-Западного фронта пока держались и сохраняли целостность фронта.

Однако ситуация на Юго-Западном фронте казалась стабильной лишь в сравнении с оглушительной катастрофой под Минском. Оборона 5-й и 6-й армий на линии границы под Сокалем и Львовом была быстро сокрушена наступлением 6-й и 17-й армий группы армий «Юг». Крупных масс танков здесь немцами в бой не вводилось. Пехотные дивизии наступали при поддержке штурмовых орудий. Однако в полосе немецкой 6-й армии под Сокалем и Новоград-Волынском были введены две танковые дивизии – 11-я и 14-я. Они были эшелоном развития успеха и наступали вдоль шоссе на Житомир и Бердичев соответственно. Осторожный командующий группой армий «Юг» постоянно одергивал командиров обеих дивизий, не позволяя им намного отрываться от пехоты 6-й армии. Тем не менее их успехом стал захват плацдармов на реке Стырь под Дубно и Луцком. Заболоченная пойма реки могла стать серьезным препятствием, но благодаря броске вперед танковых дивизий она была преодолена до подхода советских резервов. Seriously ухудшилась обстановка с началом наступления 11-й армии из Румынии. Командование Юго-Западного фронта было вынуждено принять решение об отходе на рубеж старой границы.

Тем не менее положение советских войск на Украине в конце июня 1941 г. внушало Верховному командованию осторожный оптимизм. Поэтому развернутые первоначально на Украине 16-ю и 19-ю армии из Забайкалья и с Северного Кавказа было приказано отправить на север, на московское направление. Некоторые эшелоны этих двух армий попросту разворачивались в пути. Выгрузившиеся под Острогом части 16-й армии вначале получили сообщение о прорыве немецких танков, но вскоре выяснилось, что оно ложное. До Острога немецкие танки не добрались. Контрудары механизированных корпусов Юго-Западного фронта вынудили немецких танкистов остановиться и занять оборону.

Перенаправлением под Смоленск 16-й и 19-й армий дело не ограничилось. Несмотря на сложную обстановку на Юго-Западном фронте, Генштаб Красной Армии без колебаний санкционировал переброску на Западный фронт 8-го и 16-го механизированных корпусов. Вслед за ними отправился 7-й стрелковый корпус.

Верховное командование безжалостно выкачивало из Юго-Западного фронта все резервы, ввиду необходимости восстановления фронта на московском направлении. Однако еще до прибытия войск с Украины под Смоленск Западный фронт получил еще один мощный и неожиданный удар. Тимошенко считал, что у него еще есть время на организацию обороны. Но стремительное изменение обстановки опрокинуло все его расчеты. Выход немецких танковых соединений на рубеж Западной Двины и Днепра застал сосредотачивавшиеся на этом рубеже 22, 20 и 21-ю армии еще в процессе выгрузки из эшелонов. Большая часть эшелонов к моменту прорыва немцев была еще в пути.

Соединения 3-й танковой группы Рейнгардта действовали в строгом соответствии с планом. Набирая скорость, все три корпуса группы устремились к Полоцку и Витебску. На ближ-

них подступах к Полоцку танковая колонна неожиданно напоролась на бетонные укрепления. Некоторые из них были замаскированы под жилые постройки. Несколько танков было подбито, на грузовики с пехотой обрушился шквал огня артиллерии. Пришлось немедленно разворачиваться в боевые порядки, выводить на позиции артиллерию и вызывать пикирующие бомбардировщики. Однако первый же бой показал, что полевая оборона вокруг дотов осталась полупустой. Штурмовые группы блокировали один дот за другим. Несмотря на ожесточенное сопротивление гарнизонов, через несколько часов все было кончено. Боевая группа 7-й танковой дивизии снова свернулась в боевые порядки и продолжила наступление на восток. Вечером передовая боевая группа дивизии остановилась для дозаправки и пополнения боезапаса. Однако в разгар заправки танков от боевого охранения поступило донесение о приближающемся советском эшелоне с войсками. Немцам пришлось спешно вводить в бой успевшие заправиться танки. Паровоз был подбит уже на первых минутах боя. Уже под огнем советские пехотинцы прыгивали на железнодорожную насыпь и принимали бой. Однако силы были неравны, и вскоре на месте эшелона стояла груда дымящихся остовов вагонов. Захваченные пленные говорили, что они прибыли с Урала. Эшелон начал выдвижение к границе еще в середине июня. Он должен был выгрузиться в Полоцке.

Позднее выжившие будут называть те бои «битвами в эшелонах», «вагонными батальями» и «рельсовой войной». Вагоны становились казармами, штабами и фортами на колесах. Железнодорожная насыпь превращалась в крепостную стену, и рельсы становились бруствером. Выдвигавшиеся на запад эшелоны с войсками части иной раз вступали в бой буквально в вагонах. Часто орудия открывали огонь прямо с платформ. Почти легендарным стал случай, когда зенитная батарея из 76-мм пушек прямо с платформ расстреляла несколько немецких танков. Однако перевозимые в эшелонах орудия чаще всего имели малый запас снарядов. Здесь многое зависело от смелости и решительности командиров, которые волей случая оказывались во главе групп бойцов из разных частей, оказавшихся в одном или нескольких эшелонах. Общую сумятицу усиливали постоянные бомбардировки с воздуха.

Наиболее ожесточенным было «вагонное сражение» за Витебск. На вокзале и железнодорожных путях под городом скопилась сразу большая группа не добравшихся до мест назначения эшелонов. В них были перемешаны части разных дивизий. Что самое важное, в Витебске и под ним застряли эшелоны с боеприпасами. Поэтому оказавшиеся здесь части не испытывали проблем ни с патронами, ни со снарядами. У защитников Витебска был даже бронепоезд и несколько танков. Возглавил оборону энергичный комбриг Зыгин. Именно по его инициативе после получения известий о приближении немцев к городу части спешно выгрузились из вагонов и начали строить оборону. Бои за город шли несколько дней. Несколько раз Витебск подвергался ожесточенной бомбардировке пикировщиками VIII авиакорпуса. Город огрызался шквальным огнем зенитных автоматов неведь откуда взявшегося и застрявшего в Витебске зенитного полка. Город фактически оказался под ударом сразу двух танковых корпусов противника. Один корпус атаковал через Полоцк, второй – от Бешенковичей.

Однако во многих случаях сценарий боя «эшелонной войны» был проще и страшнее. Затерянный между перегонами эшелон, потерявший связь с командованием, оказывался под ударом немецких танков. Далеко не все командиры высылали разведку на лошадях и мотоциклах, чтобы узнать, что происходит. В этом случае атака немецких танков развернутым строем имела просто убийственный эффект. В наихудшем положении были тыловые части, саперы, связисты. Они не имели ни опыта, ни средств борьбы с танками противника.

Благодаря тому что 3-я танковая группа не задерживалась под Минском, она вышла к Березине на лепельском направлении уже 27 июня⁸. Мощным артиллерийским огнем немцы

⁸ В реальном 1941 г. 3-я танковая группа подошла к переправам через Березину только вечером 2 июля. В том случае, если танковая группа не будет ввязываться в бой за Минск, она сможет выйти к Лепелю на несколько дней раньше.

вынудили к отходу пограничный отряд, охранявший переправы в районе Березино (западнее Лепеля). Сам Лепель тогда прикрывался сводным отрядом курсантов минометного училища, Виленского пехотного училища и 103-го противотанкового дивизиона. Мосты в Лепеле были взорваны. Однако, как это чаще всего случалось, взорванные мосты не стали для немцев причиной длительной задержки. 28 июня немецкая мотопехота форсировала Березину юго-западнее Лепеля, и к исходу дня город был оставлен советскими войсками.

Все три моторизованных корпуса новой 3-й танковой группы практически одновременно преодолели Березину и вышли на подступы к Витебску и Орше. Этот район издавна получил наименование «Смоленские ворота». Действительно, здесь русло Днепра изгибается у Орши и словно пропускает идущие с запада полчища захватчиков на восток, к Смоленску. Изгиб Западной Двины также открывает путь для движения на восток без ее форсирования. Пока два корпуса группы Рейнгардта оказываются втянуты в бой за Витебск, еще один атаковал в направлении Орши. Здесь он был встречен огнем только что выгрузившихся из эшелонов частей из 20-й армии. От штурма Орши немцам пришлось отказаться.

Нельзя сказать, что советскому командованию было нечего противопоставить противнику. Сгинувшими в огне приграничного сражения мехкорпусами список самостоятельных механизированных соединений Красной Армии не ограничивался. 7-й механизированный корпус получил приказ на выдвижение на запад уже 24 июня 1941 г. Соответственно, к 28 июня это элитное соединение из Московского военного округа уже сосредоточилось в районе Орши. Здесь он получил некоторое количество танков новых типов, т. е. Т-34 и КВ. До этого в корпусе не было ни одной «тридцатьчетверки» или «Клима Ворошилова». В тот же день он получил приказ на контрудар⁹. Собственно, у командования нового Западного фронта не было бы выбора. Стрелковые соединения 20-й армии в конце июня еще только сосредотачивались в «смоленских воротах», и о сплошном фронте не было и речи.

Задачей 7-го механизированного корпуса стал прорыв к Витебску, где вели бои в окружении части 22-й армии. Поначалу атака советских танков имела успех. Продвигавшуюся практически в пустоте 3-я танковую группу практически никто не контратаковал. Поэтому контрудар крупной массы танков оказался неожиданностью, тем более что авиация не смогла вскрыть сосредоточение нескольких сотен танков 7-го мехкорпуса. Они были надежно спрятаны в лесах. Советским танкам удалось сбить фланговые заслоны и выйти на ближние подступы к Витебску. Танкисты видели зарево и слышали шум «эшелонного сражения». Однако для того, чтобы прийти в себя, немцам понадобилось всего несколько часов. На боевые порядки 7-го мехкорпуса была перенацелена авиация VIII авиакорпуса. «Штуки» обрушились на тылы, артиллерию и мотопехоту. Также корпус был атакован во фланг и тыл. Кроме того, в обход Витебска дальше на восток двинулся XIV моторизованный корпус. Этот маневр заставил Тимошенко срочно выводить из боя 7-й мехкорпус и оттягивать его назад к Смоленску. В Смоленск тем временем прибывали эшелоны с войсками 16-й армии и 5-го мехкорпуса.

Контратаки, постоянные бомбардировки и приказ на отход дезорганизовали 7-й мехкорпус. Потеряв большое количество танков и автомобилей, он откатывался к Смоленску. По пятам его преследовал LVII танковый корпус группы Рейнгардта. К моменту отхода к Смоленску мехкорпус почти полностью потерял боеспособность. На оставленном поле боя немцами был найден и опознан труп Якова Сталина. Он был убит бомбой на позициях своего артиллерийского полка. Обезображенный труп сразу же стал сюжетом для пропагандистских листовок.

Вводом в бой буквально «с колес» прибывающих соединений 16-й армии и 5-го мехкорпуса Тимошенко удалось предотвратить немедленный захват Смоленска ударом с севера. Однако одновременно командующий Западным фронтом получил тревожные донесения о

⁹ В реальном июле 1941 г. 7-й мехкорпус был брошен в контрнаступление против атакующего Витебск противника. Нет никаких сомнений, что в случае более быстрого прорыва германских танковых соединений он будет использован в том же духе.

прорыве немцев через Днепр в районе Могилева и Жлобина. Последние эшелоны 16-й и 19-й армий вступили в ряд ожесточенных «эшелонных сражений» к югу от Смоленска. Немецкие танки упорно продвигались дальше и дальше на восток. Уже 10 июля они прорвались к Ельне. Тем самым танковая группа Гудериана углубилась в расположение 24-й армии, которая была растянута на широком фронте от Белого до Ельни. За спиной вытянутых в нитку соединений 24-й армии боеспособных войск Красной Армии практически не было.

Надежду на изменение ситуации в лучшую сторону дали прибывшие с Украины 8-й и 16-й механизированные корпуса. Вместе с тремя стрелковыми и одной танковой дивизией группы Качалова они нанесли контрудар в районе Рославля. Двум мехкорпусам удалось глубоко вклиниться во фланг 2-й танковой группы. Немецкому командованию удалось разрешить эту кризисную ситуацию сосредоточением крупных сил авиации и контрударом XXIV и XXXXVIII танковых корпусов. Танковое сражение в районе Рославля закончилось окружением главных сил группы Качалова.

В то время как основная масса группы армий «Центр» ушла далеко на восток, в ее тылу продолжало греметь сражение за «крепость Минск». Здесь советским войскам удалось сковать значительные силы немецкой пехоты. Тем самым она была исключена из состава тех войск группы армий «Центр», которые торопливо продвигались вперед, стремясь нагнать вырвавшиеся вперед танковые соединения. Бои за Минск завершились только в середине июля. Группа Павлова исполнила свой долг до конца, надолго сковав два армейских корпуса немцев.

В середине июля 1941 г. произошли события, которые позднее вызвали ожесточенные споры среди историков. Начальник Генерального штаба Красной Армии Г.К. Жуков на совещании в Кремле предложил отвести главные силы Юго-Западного фронта на Днепр и высвободить 6-ю и 12-ю армии¹⁰. Сталин поначалу встретил это предложение в штыки и раздраженно бросил Жукову: «Хватит нести чушь!» Однако Жукова поддержал Шапошников. На следующий день прилетевший из Киева начальник штаба Ю-ЗФ Пуркаев предложил детально разработанный план отхода за Днепр, позволяющий сохранить войска и высвободить резервы. Обстановка под Смоленском с каждым часом становилась все более угрожающей, и Сталин после долгих раздумий принял план отвода войск на Украине за Днепр.

Отход с «линии Сталина» был начат ночью и проходил как по часам. Главные силы немецкой авиации были задействованы под Смоленском, и 4-й воздушный флот не смог эффективно воздействовать на отходящие советские войска. Две танковые дивизии группы армий «Юг» к тому моменту уже были выведены в тыл. Почти без потерь Юго-Западный и Южный фронты отошли на Днепр. Были высвобождены 6, 12 и 18-я армии. Незамедлительно их начали грузить в эшелоны и через Москву выдвигать к Вязьме. Однако, ввиду разгрома группы Качалова, 18-ю армию пришлось перебросить в район Гомеля. Здесь немецкая 2-я армия начала наступление на Киев силами пехотных дивизий. Потрепанная 5-я армия и остатки переживших «войну на рельсах» соединений 21-й армии с трудом сдерживали натиск немецкой пехоты. Устойчивость ее положения сохранялась лишь за счет постоянного притока пополнений из выходящих из припятской области голодных, но понюхавших пороху окруженцев.

Позднее историки спорили, положительную или отрицательную роль сыграл этот отвод. Одни утверждали, что, если бы Юго-Западный фронт не отошел за Днепр, немцы бы ни за что не решились наступать на Москву, имея на фланге гигантский «украинский балкон». Другие говорили о том, что, если бы не снятые с Юго-Западного фронта войска, Москва бы пала уже в первых числах августа. За этот эпизод также было подвергнуто жесткой критике немецкое командование. Командующий группой армий «Юг» был обвинен в преступном бездействии, позволившем советскому командованию вывести в резерв несколько армий. Считалось, что

¹⁰ В реальном 1941 г. 6-я и 12-я армии были окружены под Уманы 3 августа 1941 г.

настойчивое преследование и немедленный ввод в бой танковых дивизий могли привести к окружению и разгрому отступающих армий Юго-Западного фронта. Вместо этого Рундштедт ждал санкции Верховного командования на передачу ему III танкового корпуса, формально перешедшего в подчинение ОКН. Из-за этого танковый корпус Маккензена вступил в бой с большим опозданием и сумел лишь пощипать советские арьергарды.

Тем временем немецкое командование готовилось к последнему броску на «шверпункт» Восточного похода – Москву. К началу августа немецкие пехотные дивизии были подтянуты на рубеж, достигнутый танковыми соединениями 1-й танковой армии. Одновременно был выведен с Украины и перевезен по железной дороге в район Смоленска III танковый корпус. 1-я танковая группа Гота, проложившая путь к Луге и Новгороду пехотным дивизиям группы армий «Север», также была выведена в резерв. На московском направлении сосредоточивалась мощная ударная группировка, включавшая почти все танковые дивизии, имевшиеся в тот момент в распоряжении германского командования на Восточном фронте. Из резерва ОКН были выведены 2-я и 5-я танковые дивизии. Была также сформирована 4-я танковая группа, которую возглавил Э. Гёпнер. Все эти мероприятия позволили немцам сформировать 4-ю танковую армию, основой для которой стал штаб 4-й полевой армии Клюге.

Операция несколько раз откладывалась в ожидании благоприятных погодных условий. Немецкое командование рассчитывало в полной мере использовать авиацию 2-го воздушного флота, усиленного перегруппировкой нескольких авиасоединений из 1-го и 4-го воздушных флотов на флангах советско-германского фронта. Для прикрытия готовящегося наступления на московском направлении группы армий «Север» и «Юг» начали частные операции под Новгородом и Гомелем. Эти выпады действительно дезориентировали советское командование. Несколько свежесформированных дивизий и противотанковых полков были переданы Северо-Западному и Юго-Западному фронтам.

Наконец, в яркий солнечный день 10 августа 1941 г. на фронте под Вязьмой загремела артиллерийская подготовка. Советское командование ожидало прямого удара на Москву вдоль шоссе Смоленск – Москва или же продолжения наступления в тыл Юго-Западного фронта. Однако вместо этого была взломана оборона войск Западного фронта к северу и югу от шоссе. На каждом из этих направлений была введена танковая армия. После прорыва обороны каждая из них разделилась надвое. По одной танковой группе устремилось на Москву, а две других двинулись на Вязьму, замыкая кольцо окружения за спиной армий Западного фронта. 12 августа Гитлер вышел на трибуну в берлинском Спортпаласе и бросил, выкрикнул толпе: «В эти часы на Восточном фронте происходят грандиозные события. Уже 48 часов ведется новая операция гигантских масштабов. Она приведет к окончательному уничтожению врага на Востоке!»

Москва была окружена через две недели после начала немецкого наступления. Однако еще долгие две недели на фронте стояла звенящая тишина. Изолировав советскую столицу, танковые группы остановились и стали ждать подхода пехоты полевых армий. Несмотря на все уговоры, Сталин остался в Москве. Он был подавлен гибелью сына и все еще надеялся, что удастся отстоять столицу. Когда начались уличные бои за город, Сталин лично руководил, впоследствии ставшей легендарной, контратакой у Белорусского вокзала. Здесь он и был убит шальной миной. Труп так и не опознали – немцы приняли невысокого рябого человека в френче за одного из многочисленных ополченцев. Несколько человек из ближайшего окружения советского вождя сумели ночью покинуть горящий город на спрятанном в одном из московских парков «Дугласе». Именно от них стало известно, что произошло со Сталиным.

Катастрофа с потерей столицы и гибелью вождя вызвала разброд и шатание в партийной верхушке. Произошла попытка государственного переворота. Путчисты стремились заключить новый «брестский мир». Однако путч соглашателей был безжалостно подавлен. Новым гене-

ральным секретарем стал Вячеслав Молотов. Он произнес речь, в которой прозвучали слова:
«Мы никогда не сдадимся...»

С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий Мог ли Гитлер выиграть войну?

– Виктор, традиционно считается, что, напав на СССР, Гитлер совершил ошибку и проигрыш Германии был запрограммирован. Но дальше этого обсуждение обычно не заходит. Вопрос о том, были ли у Гитлера реальные шансы выиграть войну со Сталиным, как правило, остается за скобками.

Итак, вопрос, точнее, вопросы – мог ли Гитлер победить Сталина, в каком случае это могло произойти и к чему бы это привело?

– Да, Гитлер мог выиграть войну со Сталиным, никаких сомнений в этом нет. Для подтверждения этой мысли я обращаюсь к протоколу допроса генерал-лейтенанта Лукина в немецком плену. Михаил Федорович Лукин в 1941 г. командовал 16-й армией, которая была выдвинута из Забайкалья перед немецким нападением. Потом он героически сражался в районе Шепетовки, куда была выведена 16-я армия. Потом ее перебросили в Белоруссию, она отступала к Смоленску. В смоленском окружении Лукин принял на себя командование всеми окруженными войсками и держался там. Если бы он не держался, Москва пала бы очень быстро. Эта задержка под Смоленском в конце лета 1941 г. дала Сталину возможность собраться с силами и перевести дыхание. То есть Лукин – это герой, спасший Москву и, возможно, Советский Союз. И вот он попадает в плен. Немцы кладут его в офицерский госпиталь, где ампутируют ногу. У него была раздавлена нога, началась гангрена.

И вот в ходе допроса Лукин говорит немцам: «Дайте русскому мужику землю, и он ваш». Это говорит герой, спасший Москву.

Это значит, что после коллективизации любой, кто освободил бы людей от колхозов, кто припомнил бы коммунистам все их преступления против народа, был бы освободителем. Гитлеровцев встречали с цветами в Эстонии, Литве, Латвии, в Украине – не только Западной, в Белоруссии – не только Западной. И в Киеве тоже. Есть свидетельства, что на Крещатике старики вышли навстречу немецким колоннам с хлебом-солью.

В недавнем фильме Виктора Правдюка о войне есть страшные кадры: после окружения под Вязьмой (это после смоленского окружения, все тот же фронт гибнет снова) гонят наших радостных пленных солдат, а они все в новеньких шинелях. То есть это те, кто только прибыл на фронт, в окопах они не пачкались, так прямо и сдавались... Возможность выиграть была грандиозная.

– Об этом же пишет Борис Бажанов в своих мемуарах...

– Да, конечно. У меня есть мемуары рядовых власовцев, которые приходили к немцам и говорили: «Запишите меня в вермахт». А немцы этого просто не понимали, говорили: «Как же ты будешь воевать против своего народа?», а те отвечали: «Да не против народа! Запишите меня в вермахт, я буду против коммунистов воевать».

– Что произошло бы, если бы Гитлер объявил о создании русской антикоммунистической армии?

– Начался бы распад Красной Армии. Сдавались бы большими массами, не желая воевать. И все бы посыпалось. Немцы бы вышли к Волге, и вся эта власть рухнула бы...

– А без этого, чисто военными средствами победить – шансы были?

– Пожалуй, что нет. Это была роковая политическая ошибка – воевать против русского народа, украинцев, молдаван... Шло уничтожение народа, а народ не хотел уничтожаться. После этого любые военные усилия были бесполезны.

– **А в чем состояла изначальная ошибка немецкого военного планирования?**

– Ошибка немецкого военного планирования в самом начале состояла в том, что силы Советского Союза были колоссально недооценены. План «Барбаросса» в принципе не план, это директива. Это очень странный документ, некая декларация о намерениях, и ничего больше.

Вообще план совершенно дикий. Там, например, написано, что вот выйдем к Волге, а последние советские промышленные центры на Урале можно будет разрушить дальней авиацией. Которой у них нету!

Да и на Урале совсем не последние центры. За Уралом и Алтай, и Новосибирск, и Комсомольск-на-Амуре (самый мощный авиационный завод мира), и Омск, и чего там только нет... С военной точки зрения план «Барбаросса» – это какая-то чепуха.

Даже и в стратегическом плане тоже сомнителен. Наносится удар тремя группами армий, и эти три группы армий идут по РАСХОДЯЩИМСЯ направлениям! Группа армий «Север» на Ленинград, на северо-восток, и отходит от группы армий «Центр». Между ними образуется колоссальный разрыв. А группа армий «Юг» устремляется на юг, к Днепропетровску, Запорожью, Херсону, форсирует Днепр и т. д. Действовать по расходящимся направлениям – это ошибка, за которую бьют даже командиров взводов.

– **То есть немцы просто не планировали серьезное сопротивление?**

– Да, эта дикая недооценка Красной Армии была признана Гитлером на совещании в Борисове, когда он сказал, что, если бы заранее знал, что у Советского Союза есть столько танков, он бы войну не начинал. Это было жутким шоком для присутствующих генералов. Не ведая того, он сам ляпнул: «Братцы, я просчитался».

– **Это ошибка абвера?**

– Да. Разведка работала из рук вон плохо. Но недооценка возникала не только на уровне разведки, но и на уровне политического руководства. Мы сидим в имперской канцелярии, мы знаем, что там живут недочеловеки, и мы не тратим много средств на добывание сведений, потому что и так все ясно. Если бы государственные мужи полностью понимали бы опасность, то они сами бы уделяли больше внимания разведке.

Вот, например, такой дикий момент. Танки Т-34 были впервые показаны на параде 1 мая 1941 года. Это был танк будущего, уже по одной своей форме. Немецкие танки казались по сравнению с ними ящиками, сделанными из досок, с плоскими вертикальными поверхностями. А тут появляется танк с совершенно удивительными формами. Для того времени это был танк футуристический. И эта форма, и длина орудия, и ширина гусениц – все это давало как минимум пищу для размышлений. Но никто над этим не размышлял, пока война не началась. А ведь работа разведки – это не только на параде смотреть. Прежде чем оказаться на параде, танки разрабатывались, испытывались, потом шли в производство, поступали в войска... Это длинная цепь событий, которую разведка должна была отследить.

Где-то в Харькове был построен колоссальный завод дизельных двигателей с алюминиевым блоком цилиндров. Для разведки это безумно важно. Там работают десятки тысяч людей, и завод потребляет колоссальное количество алюминия почему-то. Запорожье туда поставляет алюминий. Что это такое? Авиационное производство? Нет. В Харькове есть другой авиационный завод, который строит Су-2, он тоже пожирает алюминий. А тут есть еще какой-то завод двигателей... Авиационных? Нет, не авиационных. А каких?

Вот когда разведка докапывается до таких совсем простых вещей, это сразу заставляет выстраивать цепочку. Кому нужен мощный дизельный двигатель с алюминиевым блоком цилиндров? Для каких-то новых танков... Ага, давайте искать новые танки.

– Предположим, Гитлер ударяет не растопыренными пальцами, а кулаком. Предположим, ему удастся взять Москву, что в принципе не исключено. Что дальше?

– Если бы политика в отношении населения СССР продолжалась, ничего бы у Гитлера все равно не получилось.

– План Гитлера был – отогнать Сталина до Урала?

– Нет, не до Урала. Планом предусматривалось выйти на линию А – А, Архангельск – Астрахань. Дойти до Волги. А дальше – выбомбить всю оставшуюся промышленность стратегической авиацией, которой у Гитлера не было.

Они ждали зиму русскую как спасения. Надеялись, что начнется зима и прекратятся боевые действия. Гитлер писал Муссолини, что для оккупации России придется выделить какое-то количество дивизий... Полный бред.

Захват Москвы не решал ничего. Да и взять ее было трудно, хотя теоретически и можно. Но была запасная столица в Куйбышеве. И был опыт.

В 1918 г. немцы угрожали Питеру, и большевики убежали в Москву. Никто никогда бы не подумал, что Москва может быть столицей. А большевики ее там выстроили.

Народ живет не символами. Вот стоит за тобой заградотряд и стреляет в затылок, а где в этот момент товарищ Сталин – в Куйбышеве или еще где – это мало кого колышет.

Помимо прочего, если бы немцы вышли к Волге, то нефть Баку перестала поступать вверх по Волге. И еще, в этом случае другой нефтяной район – Куйбышев, Казань, Башкирия – оказался бы в зоне досягаемости тактической авиации. Тогда СССР очень плохо пришлось бы в смысле снабжения нефтью. Но поднялась бы дубина народной войны. Война стала бы затяжной, это было бы похоже на Афганистан, Вьетнам или на Северную Ирландию...

– Предположим, немцы дошли до линии А – А. Встали. Красная Армия – четвертый, пятый, шестой эшелоны, которые к этому времени сколотили, – скапливается за этой линией. Если Гитлер меняет восточную политику, дает землю крестьянам и прекращает террор, там разваливается все... А если нет – то это ничего не решает?

– Кроме того, за нами была Америка. Я недавно нашел очень интересные сведения. В апреле 1941 г. Америка начала в Басре (в Ираке) строить завод по производству «Студебекеров». По-моему, это подготовка к ленд-лизу.

Итак, немцы вышли к Волге, война стала затяжной, а тут начинаются поставки американского бензина, автомобилей... Рано или поздно, если бы Америка вмешалась в войну, начались бы американские бомбардировки городов и все затянулось бы года до 1948-го...

– А если бы у Гитлера все-таки хватило ума в 1941 г. сообразить, что к чему, уступить требованиям собственных генералов, изменить восточную политику и дать землю крестьянам?

– Тогда бы крестьяне не пошли в Красную Армию. Тогда бы крестьяне не поддерживали партизан. Их бы ловили и вешали. Но, кроме всего этого, было еще требование по организации русского правительства. Вот эпизод, когда Андрей Андреевич Власов пришел к Михаилу Федоровичу Лукину и сказал: «Михаил Федорович, давайте вы будете главнокомандующим Русской освободительной армии, а я у вас буду замом». Лукин спрашивает: «Андрей Андре-

евич, а вы уверены, что, когда мы победим, а мы победим, Гитлер нам позволит создать независимую Россию?»

Власов говорит: «Нет, я в этом не уверен». – «Ну тогда, – говорит Лукин, – я остаюсь здесь и буду сидеть в лагере». Он сидел в лагере до конца, вышел, фильтрацию прошел очень быстро, потому что знали, что он герой защиты Москвы. Как Власов был героем защиты Киева.

Так вот, требованием русских людей, которые действительно могли возглавить войну против Сталина и коммунизма, была независимая Россия, хотя бы и усеченная. А это значит независимая Украина, которую, кстати, бандеровцы провозгласили, как только немцы вошли во Львов. Их всех после этого посажали, и Бандера всю войну просидел в немецком концлагере. Можно вспомнить Локотскую республику, можно вспомнить самоуправление Смоленска при немцах... Народ в то время еще был способен к самоорганизации. Красные партизаны в Локотскую республику нос боялись сунуть, народ их уничтожал беспощадно.

Так называемая «Великая Отечественная война» носила в себе все элементы войны гражданской. Если бы самостоятельная независимая Россия до Волги включительно образовалась бы, то она стала бы барьером для коммунистической России, которая, возможно, сохранилась бы за Волгой.

– А что при этом происходило бы на Западе? Война бы заглохла?

– Гитлер постоянно обращался к британским властям с предложениями о мире. Это были публичные обращения. Но за Великобританией стояли Соединенные Штаты Америки. Я думаю, что Великобритания на мир никогда бы не пошла, а США в войну все равно ввязались бы.

Западная и Центральная Европа – это колоссальные индустриальные и интеллектуальные возможности, но без сырьевых ресурсов. Есть уголь, но нет железной руды. Руда поступала из Советского Союза и Швеции. Нет нефти, по большому счету, нет марганца, никеля, олова, вольфрама, молибдена, без которых воевать нельзя. Если бы Гитлер правильно поставил оккупацию этих стран, то что-то можно было бы сделать. Но и в отношении прочих оккупированных стран все было сделано неправильно.

– То есть если бы на Востоке стабилизировалась ситуация, то на Западе Гитлера это все равно бы не спасло?

– Если бы на Востоке стабилизировалось противостояние «Московской Руси» и «Уральской Руси», то Гитлера могла бы спасти только атомная бомба. Если бы Германия сделала бомбу, то тогда получилась бы ситуация, которая описана в романе Джорджа Орвелла «1984», когда существуют три супердержавы, которые друг против друга воюют. Бесконечное бодание, как у коров без рогов.

– Это значит, что у Гитлера единственной возможностью спасения, если бы на Востоке возникли две России, было не просто предложить мир Англии, а втянуться обратно в границы рейха. Тогда мир был бы принят?

– Может быть, да, а может быть, и нет.

– То есть даже победа на Востоке не могла гарантировать Германию от вторжения союзников на Западе. Шансов у нее и в этом случае не было?

– Да, наверное.

– Последний, «концептуальный», как сейчас принято говорить, вопрос. Предположим, Гитлер вовремя осознал опасность нападения на Советский Союз и не решился бы это сделать. Что было бы дальше?

– Дальше, Советский Союз нанес бы удар, и Германия была бы разгромлена очень быстро.

Гитлер не смог бы отразить этот удар, и получается, что его единственный шанс на спасение был бы все тот же мир с Англией на условиях возвращения в прежние границы рейха и заключение военного союза, потому что устоять против СССР и не отдать ему Европу можно было только совместными усилиями.

– В «Майн кампф» Гитлер писал, что выиграть войну против Советского Союза можно только вместе с Англией....

– И еще он там писал, что выиграть войну против Англии можно только с помощью Советского Союза. Сдуру выбрал в 1939 г. именно этот вариант. И попался.

Спасибо за беседу.

Михаил Барятинский

Упущенная победа Гитлера

Войну начинают, чтобы побеждать. Трудно представить себе главу государства или правительство, решившихся атаковать соседа без уверенности в победе. Другое дело, что по самым разным причинам эта победа далеко не всегда достигается. Вот тут-то и начинаются разглагольствования типа «если бы знали заранее» или «если бы могли предугадать». Словом, знали бы, где упадем, подстелили бы рогожку. В полной мере все это относится ко Второй мировой войне, к Германии, к Гитлеру. Совершенно очевидно, что фюрер Третьего рейха, начавшая войну, был абсолютно уверен в успехе, чего нельзя сказать о его генералах. В отличие от Гитлера все они были людьми образованными, а значит, сомневающимися. Гитлер, с трудом сдавший выпускные школьные экзамены и более нигде не учившийся, в этом отношении имел явное преимущество. Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

Справедливости ради надо сказать, что уверенность Гитлера существенно подогревалась извне. Сначала немцы оккупировали Рейнскую область, не встретив не только никакого сопротивления, но и никаких серьезных протестов со стороны держав бывшей Антанты. Потом под Германию покорно и довольно охотно легла Австрия. Сей факт опять-таки никого не возмущал. Более того, Коминтерн (читай – Советский Союз), например, по этому поводу разродился резолюцией, приветствовавшей аншлюс и право немецкого народа на объединение. Что было дальше, в общем-то, хорошо известно: по Мюнхенскому пакту Германии отдали Чехословакию – лишь бы не связываться. В такой обстановке у Гитлера не могла не расти уверенность в победе. Хотя в 1938 году реальная война с Чехословакией могла закончиться для Германии плачевно. Вермахт в то время был элементарно не готов даже к войне локального масштаба. Впрочем, судя по воспоминаниям немецких генералов, не слишком он был готов к войне и в сентябре 1939-го. Немцам повезло, что Польша была готова еще хуже. Однако сводить все к везению применительно к начальному этапу Второй мировой войны будет несправедливо. Гитлер реально переиграл своих явных и возможных противников сначала политически, сумев разобщить их (а СССР и вовсе на время исключить из игры), а потом и в военном отношении, разбив их поодиночке.

Для достижения своих целей в военном отношении Гитлер располагал теорией молниеносной войны – блицкрига. Обычно о блицкриге говорят применительно к периоду Второй мировой войны, а точнее – ее начального этапа. Это не совсем правильно, так как теория эта возникла в начале XX века, незадолго до начала Первой мировой. Тогда тоже никто не собирался обороняться и уж тем более – отступать. Все собирались наступать, причем наступать быстро и решительно, чтобы завершить войну в течение нескольких недель, в крайнем случае – месяцев. Но ничего из этого не получилось. Противоборствующие стороны, как известно, начали с нуля. Войну ждали, но к конкретной дате никто не готовился и армии свои не отмобилизовывал. Боевые действия начались со стычек патрулей с постепенным затягиванием в них все больших масс войск. Процесс этот с обеих сторон шел практически одновременно, и противники не получали почти никаких преимуществ. Попыткой ускорить процесс на начальном этапе войны стало использование больших масс кавалерии. Но огонь скорострельных пушек и пулеметов поставил крест на перспективах этого рода войск. Война быстро перешла в позиционную фазу, а для Германии вылилась к тому же в войну на два фронта – смертельную для немцев.

Совершенствуя теорию блицкрига применительно к новым условиям, германский Генеральный штаб исходил из двух главных постулатов: ни при каких обстоятельствах война не должна переходить в затяжную фазу; ни при каких обстоятельствах война не должна вестись на два фронта. Последнее требование, кстати, полностью соответствовало завету, данному нем-

цам канцлером Бисмарком. Правда, другой завет мудрого старика – никогда не воевать с Россией – последующие поколения немцев проигнорировали. Впрочем, к России мы еще вернемся.

Просчитанный военными скелет блицкрига Гитлер залил известной долей политического авантюризма. Наглость, как известно, второе счастье. До известной степени наглцам везет. Особенно когда с ними никто не хочет связываться. Так что же такое блицкриг в том виде, в каком его взял на вооружение Гитлер? Если отталкиваться от определения, то блицкриг – это способ ведения войны, основанный на внезапности и стремительности действий, обеспечивающих разгром противника в кратчайшие сроки, до того, как он сумел отмотилизовать и развернуть свои вооруженные силы. Строго говоря, под такое определение подпадает только Польская кампания. Франция и Великобритания успели все отмотилизовать и развернуть – у них для этого было восемь месяцев. Успела отмотилизовать свою армию и Греция, которая к моменту германского нападения уже находилась в состоянии войны с Италией. Так что же, кампании мая – июня 1940 года и апреля 1941 года – это не блицкриг? Безусловно, блицкриг! Надо только отойти от хрестоматийного определения и разобраться, что важнее – сам способ боевых действий, «основанный на внезапности и стремительности», или результат, который достигается с помощью этого способа. Ответ тут очевиден: грош цена способу без конечного результата.

Надо сказать, что в течение 1,5 года у немцев все неплохо сходилась: и способ, и результат. Правда, на Западе им не удалось, как в Польше, разгромить вражескую армию в целом. Но они отрезали от основных сил и заставили капитулировать ее лучшую, наиболее боеспособную часть, включая почти все подвижные войска. Они исключили из борьбы Британские экспедиционные силы, вынудив англичан спасаться бегством и оставить французов в одиночестве. При этом следует подчеркнуть, что, вопреки теории блицкрига, они разгромили отмотилизованную и полностью развернутую армию, считавшуюся лучшей в Европе. Разгромили красиво, можно даже сказать, изящно! Однако Франция оказалась слишком велика, чтобы «съесть» ее в один присест. И в этом уже тогда обозначился главный кризис блицкрига. Уже тогда, избегая последующих ошибок, немецкое командование могло сделать вывод, что стремительного успеха в ограниченные сроки можно добиться лишь на ограниченном пространстве. Поэтому для нанесения окончательного поражения Франции потребовалась пауза, перегруппировка сил и второй этап наступления в июне 1940 года. Отсутствие у противника ярко выраженной воли к сопротивлению лишь облегчило немцам выполнение задачи.

Ограниченное пространство стало решающим фактором быстрого разгрома Югославии и Греции. Продвижение немецких моторизованных соединений на 100–200 км обрушивало вражеский фронт, практически лишало противника тыла и делало организованное сопротивление невозможным. Отсюда можно сделать вывод: блицкриг – это европейская война, то есть война, ведущаяся на ограниченном как по ширине, так и по глубине пространстве. Война, в ходе которой подчас один-единственный глубокий прорыв мог решить (и решал!) все!

Ну а состоялся или нет блицкриг в рамках операции «Барбаросса»? Как способ ведения боевых действий – да, а как средство для достижения конкретной цели – нет. Вернее, он ничего немцам не дал, этот способ, им все равно пришлось вести совсем другую, не европейскую войну – на огромном растянутом фронте, с растянутыми же по гигантской территории коммуникациями. Войну против численно превосходящего, ожесточенного и совершенно не по-европейски не считавшегося с собственными потерями противника. Попытка Германии проглотить кусок значительно больше ее самой закончилась катастрофой.

На этом можно было бы поставить точку, если не пытаться ответить на вопрос: неужели у Германии изначально не было никаких шансов одержать победу в Восточной кампании? В чем ошиблись немцы в стратегическом планировании войны с Советским Союзом? Использовали ли они все возможности для достижения успеха? Попробуем разобраться.

Первая стратегическая ошибка немцев была заключена в самом плане «Барбаросса». Как известно, план этот предусматривал ведение наступления по трем главным стратегическим направлениям, одно из которых было самым главным. Такое растрояние усилий ни к чему хорошему привести не могло, тем более что наступление предполагалось вести не просто по трем направлениям, а по трем расходящимся направлениям! Однако такая ситуация сложилась не сразу.

Первый вариант плана операций на Востоке был готов к 5 августа 1940 года. По этому плану немецкое командование предполагало, что Советский Союз будет вести оборонительные действия вдоль всей западной границы, за исключением румынского участка, где ожидался переход Красной Армии в наступление с целью захвата румынских нефтепромыслов. Считалось, что советские войска не будут уклоняться от решительных сражений в приграничных районах и не смогут сразу отойти в глубь своей территории и повторить маневр русской армии в 1812 году.

Исходя из такой оценки, главный удар сухопутных сил намечалось нанести из Северной Польши и Восточной Пруссии в направлении на Москву. Поскольку сосредоточение немецких войск в Румынии по состоянию на лето 1940 года было невозможно, южное направление не принималось в расчет. Исключался и маневр севернее московского направления, поскольку он удлинит коммуникации войск и в конечном счете выводил их в труднопроходимую лесистую область северо-западнее Москвы.

Главной группировке ставилась задача уничтожить основные силы Красной Армии на западном направлении, овладеть Москвой и северной частью Советского Союза; в дальнейшем – повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с южной группировкой занять Украину. В итоге предполагалось выйти на рубеж Ростов, Горький, Архангельск.

Для нанесения главного удара намечалось создать группу армий «Север» из трех армий (всего 68 дивизий, из них 15 танковых и 2 моторизованные). Северный фланг ударной группировки должен был прикрываться одной из армий, которой на первом этапе предстояло, перейдя в наступление, форсировать Западную Двину в нижнем ее течении и продвигаться в направлении Псков, Ленинград.

Вспомогательный удар мыслилось нанести к югу от Припятских болот группой армий «Юг» в составе двух армий (всего 35 дивизий, в том числе 5 танковых и 6 моторизованных) с целью захвата Киева и переправ на Днепре в его среднем течении. В резерв Главного командования сухопутных войск выделялось 44 дивизии, которым надлежало продвигаться за группой армий «Север».

Итак, мы видим, что первоначальному плану наступление должно было вестись только по двум направлениям, одно из которых было главным, а другое – вспомогательным. Следует подчеркнуть, что Московское направление в качестве главного было выбрано немцами абсолютно правильно (в этом свете ожидание советским командованием главного удара немцев на Юго-Западном направлении можно считать грубым просчетом Генерального штаба Красной Армии). Мощный рассекающий удар с последующим быстрым захватом Москвы был единственным вариантом, полностью соответствовавшим стратегии блицкрига в целом, поскольку ставил противника в условия, делавшие сопротивление почти невозможным. Этот удар давал немцам колоссальные стратегические преимущества. И морально-политический фактор тут не главный, хотя, безусловно, захват противником Москвы для значительной части населения СССР был равносильен поражению. В свое время Наполеон (а аналогии здесь уместны) справедливо полагал, что, захватив Москву, он поразит Россию в самое сердце. Тем не менее существенно более важной была роль Москвы как крупнейшего промышленного и особенно транспортного центра. В последнем случае речь, конечно же, идет о железнодорожном транспорте. Автомобильный можно почти не принимать в расчет, как по причине малочисленности автопарка, так и по качеству дорог. Шоссе с твердым покрытием были редкостью. Причем под

твердым покрытием в то время понималось не асфальтобетонное (их было ничтожно мало), а булыжное и щебеночное. Наиболее же распространенным видом автомобильной дороги в СССР в то время был грейдер – спрофилированное и выровненное одноименной дорожной машиной грунтовое шоссе. Львиная доля (до 90 %, а на большие расстояния – все 100 %) всех грузовых и пассажирских перевозок осуществлялась железнодорожным транспортом. При этом не менее половины всей железнодорожной сети европейской части СССР было замкнуто на Москву. Минуя Москву, с севера на юг шла практически только одна железнодорожная магистраль: Ленинград – Витебск – Киев. Но и она в случае продвижения немецких войск на восток неминуемо разрывалась. Захват же Московского железнодорожного узла приводил к неминуемому коллапсу всей транспортной системы страны.

В результате рассекающего удара на Москву, разгрома советских войск на Западном направлении (при большей концентрации немецких войск его последствия были бы еще более катастрофическими, чем в действительности) и разрыва всех рокадных коммуникаций силы Красной Армии разделялись на две крупные, но практически полностью изолированные друг от друга группировки – северную (в районе Ленинград – Новгород) и южную (на Украине). Обе эти группировки мало чем могли бы помочь войскам на Московском направлении, так как сами находились бы под давлением войск Вермахта и его союзников, пусть не таком сильным, как в центре, но тем не менее существенным. Фланги группы армий «Север», наступавшей на Московском направлении, таким образом, без прикрытия не оставались. Более того, по мере продвижения немецких войск к Москве они все больше нависали бы «балконом» над южной группировкой Красной Армии, принуждая ее к отходу на восток. Против советской группировки на северо-западе первоначальный план кампании на Востоке предусматривал также наиболее целесообразный вариант действий – постепенное выдавливание советских войск все дальше на север и оттеснение их в уже упоминавшуюся труднопроходимую лесистую местность. Надо сказать, что эта северная группировка советских войск находилась бы в более благоприятной ситуации, чем южная, и еще по одной причине. С востока в центральную часть страны, по большому счету, вели три железные дороги, являвшиеся ответвлениями Транссиба. Захват немцами Московского железнодорожного узла обрывал их, оставляя тем не менее не очень прямой, но реальный путь, связывавший Урал и Сибирь с Ленинградом. А вот такого пути в южные районы европейской части страны попросту не было. Самый южный железнодорожный мост через Волгу был в Сызрани (имелся еще один мост в Саратове, но дорога эта вела в Астрахань и заканчивалась тупиком), и через него с востока можно было попасть в Рязань, уже оттуда южнее – в Воронеж, Курск, Ростов, Харьков и т. д. Но это при условии, что Рязань не занята немцами или не разбита немецкой авиацией. Никаких других железных дорог из Заволжья на Украину просто не было. В результате советские войска на Украине оказывались изолированными не только от северной группы, но и от восточных районов СССР.

Возможно, у читателя возникнет вопрос: не слишком ли автор сгущает краски? Ведь в случае глобального прорыва немецких войск на Московском направлении можно было нанести удар, и не один, во фланг растянувшимся коммуникациям группы армий «Север». Серьезных ударных сил у нашего Северо-Западного фронта не было, но вот Юго-Западный располагал же значительным количеством механизированных корпусов! Не будем обольщаться. Что представляли собой наши механизированные корпуса – хорошо известно. При отсутствии достаточного уровня подготовки, материально-технического снабжения, при весьма невысоком уровне командования в реальных-то условиях 1941 года не удалось организовать ни одного мало-мальски успешного контрудара. Более того, типичным для 1941 года является не сражение танков с танками, а сражение советских танков с немецкой пехотой и артиллерией. Показательным в этом отношении является пример 6-го механизированного корпуса.

В ночь на 23 июня 1941 года командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов в соответствии директивой Наркомата обороны № 3 принял решение создать конно-меха-

низированную группу и нанести мощный контрудар по наступающим немецким войскам в общем направлении Белосток – Гродно с целью уничтожить противника на левом берегу Немана и не допустить выхода его частей в район Волковыска. Говоря проще, контрудар наносился во фланг 3-й немецкой танковой группе. В конно-механизированную группу должны были войти 6-й и 11-й механизированные корпуса и 36-я кавалерийская дивизия из 6-го кавкорпуса. Возглавить эту группу войск командующий фронтом поручил своему заместителю генерал-лейтенанту И.В. Болдину.

Следует оговориться, что принятие подобного решения свидетельствовало о полном незнании командующим фронтом сложившейся обстановки. 11-й механизированный корпус был уже втянут в ожесточенные оборонительные бои северо-западнее Гродно. 6-й мехкорпус находился юго-западнее Белостока примерно в 60–70 км от района предстоящих боевых действий, а 36-я кавдивизия – в районе Волковыска, в 80 км юго-восточнее Гродно. К тому же отсутствие связи не просто затрудняло, а в ряде случаев совершенно исключало возможность согласовывать усилия соединений ударной группы и даже управлять ею. Так, не было связи между механизированными корпусами, между генералом Болдиным и штабом 3-й армии. Тем не менее приказ надо было выполнять.

В течение всей ночи и первой половины дня 23 июня соединения 6-го мехкорпуса под командованием генерал-майора М.Г. Хацкилевича, выполняя поставленную задачу, выдвигались из района сосредоточения в район Гродно. Движение большой массы танков было немедленно обнаружено авиацией противника, которая начала наносить бомбовые удары по боевым порядкам частей. Несколько раз они подверглись воздушным атакам и несли при этом тяжелые потери в личном составе и боевой технике. Только одна 7-я танковая дивизия за день на марше потеряла 63 танка, были уничтожены полковые тылы.

Тяжелые потери понесла и 36-я кавалерийская дивизия, которая должна была поддерживать правый фланг корпуса. Сосредоточение 6-го механизированного корпуса в лесном районе Супрасль, Валилы было в основном закончено к 14 часам 23 июня 1941 года. Однако противника в этом районе обнаружено не было. Почти одновременно с завершением сосредоточения в районе Валилы корпус получил новую задачу – двигаться на Гродно. 4-я танковая дивизия перемещалась в направлении Индура – Гродно, а 7-я танковая дивизия – Сокулка – Кузница – Гродно.

Бесперывные марши (до 90 км), совершенные 23 июня, в значительной степени подрывали боеспособность частей и соединений корпуса. Сказывалась усталость личного состава, особенно механиков-водителей, но самое главное – корпус начал испытывать затруднения в снабжении горюче-смазочными материалами и, по различным причинам, понес ощутимые потери в материальной части.

Немецкие войска находились в 20–30 км от исходного рубежа атаки корпуса и получили некоторое время для перехода к обороне и подтягивания на направления движения советских танков своей противотанковой артиллерии. Населенные пункты по линии Кузница – Подлипки – Старое Дубовое были спешно превращены в опорные узлы обороны. 24 июня 1941 года на пути лавины советских танков, устремившихся на Гродно, оказалась одна 256-я пехотная дивизия 20-го армейского корпуса 9-й немецкой армии.

Утром 24 июня части 6-го мехкорпуса развернулись в боевой порядок и перешли в наступление, но практически сразу же натолкнулись на сильное противодействие немецкой противотанковой артиллерии. Кроме того, для отражения наступления 6-го мехкорпуса противник привлек 8-й авиакорпус пикирующих бомбардировщиков. Немецкие самолеты ожесточенно атаковали советские танки, причем кроме бомб применялась специальная фосфорная смесь. Командир корпуса генерал-майор Хацкилевич вынужден был выводить части из-под ударов авиации. О накале боев и силе авиационных ударов по советским войскам, не имевшим никакого прикрытия с воздуха, можно судить по докладу командира действовавшего рядом

11-го мехкорпуса Д.К. Мостовенко: «24 июня части корпуса продолжали вести бои с наступающим противником. К исходу дня 24 июня противник, заняв Гродно, стал продвигаться на юг и выходить в тыл 29 тд. Мной было приказано отвести 29 тд на рубеж Гурница, Полотково (в дивизии оставалось около 60 танков, и из них Т-34 10 штук, остальные Т-26). 204 мд с тремя ротами мотоциклетного полка отойти и удерживать рубеж Комионка, Бакуны. 33 тд отходить на Кузница. Мой командный пункт – лес в 6 км севернее Индура.

Наступление 6 мк успеха не имело. 4 тд продвинулась до Кужница и стала отходить. 29 тд и 204 мд с утра 26 июня сдерживали наступление противника из района Гродно, Коробчице и Струпка. Попытки противника форсировать р. Неман в районе Мигово, Комятово были отбиты. Особенно усиленную бомбардировку производила в этот день авиация и артиллерия противника, и уцелевшие от предыдущих дней тылы были уничтожены. Ни одна машина не могла показаться на открытом месте, не будучи уничтоженной. Расположение частей так же подвергалось непрерывной бомбежке и обстрелу авиацией. Индура, Кужница, Соколка, Радзевичи, Зарубичи, Новоселки, Новик и другие населенные пункты были подожжены и горели. КП в лесу в течение 24 и 25 июня бомбился и обстреливался в течение 6–8 часов ежедневно. Была попытка зажечь лес термитными снарядами, но возникшие пожары были потушены».

25 июня бои продолжились. Из-за отставания артиллерии артиллерийская подготовка перед атакой и сопровождение огнем наступающих танков не производились. Противотанковая оборона противника уничтожалась танками, которые несли при этом большие потери. Практически не применялись обходные маневры, а атаки в лоб на немецкие опорные пункты успеха не приносили. Небольшие тактические вклинения в оборону противника заканчивались налетом вражеской авиации и отводом танков из-под удара с воздуха. 29-я моторизованная дивизия своим правифланговым 128-м полком в районе Кузницы вступила в бой с подошедшей 162-й пехотной дивизией противника. Не выдержав немецкой атаки, полк попятился. За левым флангом 29-й дивизии в лесу сосредоточивалась 6-я кавалерийская дивизия 6-го кавкорпуса. Однако с утра 25 июня кавалеристы подверглись сильной бомбардировке с воздуха, продолжавшейся до 12 часов дня, были рассеяны и в беспорядке начали отходить. Правее моторизованной дивизии вел бой 13-й танковый полк 7-й танковой дивизии генерал-майора С.В. Борзилова. В районе с. Старое Дубовое пытался атаковать 14-й танковый полк этой же дивизии. Имея всего четверть заправки, соединение к исходу дня перешло к обороне. Его командир впоследствии писал: «В частях дивизии ГСМ были на исходе, заправку производить не представлялось никакой возможности из-за отсутствия тары и головных складов, правда, удалось заполучить одну заправку из сгоревших складов Кузница и м. Кринки (вообще ГСМ добывали, как кто сумел)».

Командир 6-го мехкорпуса генерал-майор М.Г. Хацкилевич в тот же день погиб в боевых порядках своих войск. После его гибели управление частями и соединениями корпуса нарушилось. С этого момента дивизии вели бои, не связанные единым замыслом, без связи с вышестоящими штабами и соседями по фронту. Штаб конно-механизированной группы, не имея собственных средств связи, не смог взять управление в свои руки. Под ударами подошедших резервов противника, а также почти при полном отсутствии боеприпасов и горючего контрудар конно-механизированной группы Болдина захлебнулся, и фронт наступающих советских войск под Гродно был разорван. Понеся большие потери, наши войска были вынуждены прекратить наступление и вскоре начали отходить.

Нет никаких оснований сомневаться, что в случае нанесения этими корпусами контрудара в моделируемом нами варианте немецкого наступления на Москву результат был бы иным.

Все это только подтверждает, что именно первоначальный план Восточной кампании делал ее наиболее катастрофичной для Советского Союза. Впрочем, план этот просуществовал недолго. В большинстве источников сообщается, что немецкое командование решило улуч-

шить его, поскольку он якобы недооценивал возможную силу сопротивления Красной Армии. Все это довольно странно, так как в основу нового плана была заложена та же оценка Красной Армии, что и в первом случае. Улучшения же не получилось, план скорее ухудшился, так как стал более соответствовать русской пословице: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». В нашем случае немцы решили погнаться за тремя зайцами.

По новому проекту планировалось вести боевые действия на трех стратегических направлениях: Киевском, Московском и Ленинградском. На каждом из них намечалось развернуть: от сухопутных войск – группу армий и от военно-воздушных сил – воздушный флот. Предполагалось, что главный удар нанесет южная группа армий (так она была названа в проекте) из района Варшавы и Юго-Восточной Пруссии в общем направлении Минск, Москва. Ей придавалась основная масса танковых и моторизованных соединений. «Южная группа армий, – говорилось в проекте, – перейдя в наступление, направит главный удар в промежуток между Днестром и Двиной против русских сил в районе Минска, а затем поведет наступление на Москву». Северная группа армий должна была наступать из Восточной Пруссии через нижнее течение Западной Двины в общем направлении на Ленинград. Предполагалось, что в ходе наступления южная группа армий сможет в зависимости от обстановки на какое-то время повернуть часть своих сил с рубежа восточнее Западной Двины на север, чтобы не допустить отступления Красной Армии на восток.

Для ведения операций южнее Припятских болот предлагалось сосредоточить третью группу армий, боевой состав которой был бы равен трети немецких войск, предназначенных для действий севернее Полесья. Этой группе ставилась задача в ходе двойного охватывающего удара (из района Люблина и с рубежа севернее устья Дуная) разгромить войска Красной Армии на юге и захватить Украину.

К войне против СССР привлекались союзники Германии – Финляндия и Румыния. Финские войска вместе с немецкими, переброшенными из Норвегии, должны были образовать отдельную оперативную группу и наступать частью сил на Мурманск, а основными силами – севернее Ладожского озера – на Ленинград. Румынской армии предстояло прикрывать действовавшие с территории Румынии немецкие войска.

Этот вариант плана неоднократно уточнялся. Возникали и новые разработки, пока в середине ноября 1940 года ОКХ не представило детального плана войны с СССР, первоначально получившего условное наименование «Отто». 19 ноября Гальдер доложил его главнокомандующему сухопутных войск Браухичу. Тот не внес в него каких-либо существенных изменений. План предусматривал создание трех групп армий – «Север», «Центр» и «Юг», которые должны были наступать на Ленинград, Москву и Киев. Основное внимание уделялось Московскому направлению, где сосредоточивались главные силы. 5 декабря план «Отто» был представлен Гитлеру. Фюрер одобрил его, подчеркнув при этом, что важно воспрепятствовать планомерному отходу советских войск и добиться полного уничтожения военного потенциала СССР. Гитлер потребовал вести войну так, чтобы уничтожить максимальное количество сил Красной Армии еще в приграничных районах. Он дал указание предусмотреть окружение советских войск в Прибалтике. Группе армий «Юг», по мнению Гитлера, следовало начать наступление несколько позже, чем группам армий «Центр» и «Север». Завершить кампанию намечалось до наступления зимних холодов. «Я не повторю ошибки Наполеона, – заявил фюрер. – Когда пойду на Москву, я выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы». По плану «Отто» с 29 ноября по 7 декабря под руководством генерала Паулюса была проведена военная игра. 13 и 14 декабря 1940 года в штабе ОКХ состоялась дискуссия, которая, по словам Гальдера, способствовала выработке единой точки зрения на основные вопросы ведения войны против СССР. Участники дискуссии пришли к выводу, что для разгрома Советского Союза потребуется не более 8–10 недель. Вечером 18 декабря 1940 года Гитлер подписал

директиву на развертывание военных действий против СССР, которая получила порядковый номер 21 и условное название «Барбаросса».

Нет необходимости разбирать план «Барбаросса» подробно. Совершенно очевидно, что он был хуже первоначального плана и значительно меньше учитывал пространственно-временной фактор. Для выполнения поставленных задач – воспрепятствования планомерному отходу советских войск, максимального уничтожения сил Красной Армии в приграничных районах, да еще и полного уничтожения военного потенциала СССР – немцам нужно было вдвое больше войск, чем они имели. Во всяком случае, для того, чтобы решить эти задачи в отведенном месте и в отведенное время. Размазав силы по советской границе, немцы нанесли удар не кулаком, а растопыренными пальцами и в итоге поставленных задач не решили. Добиться победы за 8–10 недель было возможно, только сконцентрировав сверхусилия на одном стратегическом направлении – Московском. Но Гитлеру этого показалось мало, он хотел превзойти Наполеона и овладеть и Киевом, и Ленинградом, и Москвой. Но он не учел, а европейская ментальность и не позволяла ему учесть факта, известного и понятного каждому русскому: Россия – это не страна, это часть света! Сначала немцы «утонули» в пространстве, а затем – во времени. И то и другое – основные факторы в реализации стратегии блицкрига. И что интересно: если разделить Восточный фронт на отдельные участки, то практически на каждом блицкриг удался вполне. С окружением и полным разгромом в Белоруссии, с глубоким прорывом и параллельным вытеснением на Украине и в Прибалтике. И все было бы неплохо, если бы, например, Белоруссия была независимым государством, а не частью Советского Союза. Тогда кампания была бы завершена в две недели, как в Польше. А на деле что получилось? Разгромив Западный фронт, немцы вышли к Днепру и на что наткнулись? На Западный фронт. Под Вязьмой разгромили и его, казалось бы – вот она, Москва, вот он, конец кампании! Но нет, на их пути вновь встал Западный фронт.

Тут налицо явная недооценка противником как военных ресурсов, так и мобилизационных возможностей Советского Союза, приведшая к непониманию того факта, что окончательно и бесповоротно разгромить Красную Армию в приграничном сражении нельзя. На смену разбитой все равно придет еще одна Красная Армия. Это в Европе разгром армии означал одновременный захват всей или почти всей территории страны. В России такой номер не проходил, вне зоны боевых действий оставалась гигантская территория со значительным населением и незатронутыми войной промышленными центрами. Для ее захвата было необходимо время. А его, в рамках стратегии блицкрига, у немцев было очень мало. Время работало против них. К тому же – и, судя по всему, неожиданно для немцев (что удивительно, ведь именно немцам уже не раз приходилось наступать на эти грабли) – у русских обозначилась ярко выраженная воля к сопротивлению, и блицкриг с самого начала стал давать сбои. На шестой день войны генерал Гальдер сделал в своем дневнике показательную запись: «Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо». Совершенно ясно, что бой по всем правилам требует несколько больше времени, чем с известными вольностями и отступлениями от них.

Итак, первый шанс одержать быструю победу немцы упустили еще при планировании войны с Советским Союзом. Но возникали ли у них такие возможности в дальнейшем? Да, возникали. И тут мы вплотную подходим к обсуждению роли личности в истории. Отвечая на вопрос: мог ли Гитлер победить, следует сказать – мог, если бы Гитлеру не мешал сам Гитлер. Ну, приняли не очень удачный план, так выполняли бы его хотя бы! Но тут как чертик из табакерки выскакивает Гитлер со своим приказом от 21 августа 1941 года, в котором говорится буквально следующее:

«Предложение ОКХ от 18 августа о развитии операций в направлении на Москву не соответствует моим планам. Приказываю:

1. Важнейшей целью до наступления зимы считать не захват Москвы, а захват Крыма, индустриального и угольного района Донбасса и лишение русских доступа к кавказской нефти; на севере важнейшей целью считать блокирование Ленинграда и соединение с финнами.

2. Исключительно благоприятная оперативная обстановка, которая сложилась благодаря достижению нами линии Гомель, Почеп, должна быть использована для того, чтобы немедленно предпринять операцию, которая должна быть осуществлена смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр». Целью этой операции должно явиться не простое вытеснение 5-й армии русских за линию Днепра только силами нашей 6-й армии, а полное уничтожение противника до того, как он достигнет линии р. Десна, Конотоп, р. Суда. Это даст возможность группе армий «Юг» занять плацдарм на восточном берегу Днепра в районе среднего течения, а своим левым флангом во взаимодействии с группой армий «Центр» развить наступление на Ростов, Харьков.

3. Группа армий «Центр» должна, не считаясь с дальнейшими планами, выделить для осуществления указанной операции столько сил, сколько потребуется для уничтожения 5-й армии русских, оставляя себе небольшие силы, необходимые для отражения атак противника на центральном участке фронта.

4. Овладеть Крымским полуостровом, который имеет первостепенное значение для беспрепятственного вывоза нами нефти из Румынии...»

Здорово, не правда ли? 22 июня главной целью была Москва, а спустя два месяца, когда до Москвы осталось чуть более 300 км, приоритеты поменялись. В голове у Гитлера что-то явно перешелкнуло, иначе объяснить эту смену настроений никак нельзя. Впрочем, голова Гитлера – объект изучения психиатров, а не историков. Тем не менее во исполнение его приказа 2-я танковая группа Гудериана была развернута на юг, а на центральном участке фронта немецкие войска простояли больше месяца в ожидании момента, когда у Гитлера перешелкнет опять. После взятия Киева фюрер несколько успокоился и решил возобновить наступление на Москву. Однако и тут удивляет непоследовательность в принятии решений. Так, в состав группы армий «Центр» передали только 4-ю танковую группу из группы армий «Север». Логика же подсказывает, что нужно было передать и 1-ю танковую группу, которая могла начать наступление из района Глухова, то есть оттуда, откуда его начала 2-я танковая группа. Этим самым обеспечивался бы фланг группы армий «Центр». 2-ю же танковую группу следовало бы переместить севернее, поставив во второй эшелон для развития успеха. В дальнейшем немцы не раз будут наступать на эти грабли, стремясь совсем по-европейски одержать победу ограниченными силами и выдыхаясь под самый конец.

Но все было как было – 30 сентября войска 2-й танковой группы генерала Гудериана нанесли удар по левому флангу Брянского фронта, прорвали оборону и к концу дня продвинулись на 15–20 км. Попытка организовать контрудар закончилась неудачей – контратаковавшие части были смяты и отброшены. К вечеру глубина прорыва достигла уже 80 км. Утром 2 октября дивизии 3-й и 4-й танковых групп прорвали оборону Западного и Резервного фронтов и продвинулись к концу дня на 20–40 км. Для восстановления положения на участках прорыва командующие фронтами ввели в бой свои резервы, в числе которых были и танковые части. Но поправить ситуацию не удалось. Уже 3 октября глубина продвижения немцев в полосе Западного фронта составила 50 км, Резервного – 80 км и Брянского – почти 200 км. Самое поразительное, что о прорыве немецких войск в полосах Западного и Резервного фронтов Верховное командование Красной Армии ничего не знало. Вот как описал складывавшуюся в те дни ситуацию генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, занимавший тогда должность члена Военного совета Московского военного округа и Московской зоны обороны:

«2–4 октября никаких тревожных вестей с Западного фронта не поступало, и все внимание штаба округа и оперативной группы Можайской линии обороны было сосредоточено на обеспечении тульского направления. Правда, 3 октября наша проводная связь со штабом

Западного фронта прервалась, что мы объясняли действиями авиации противника. Военный совет два-три раза в сутки получал информацию о положении на фронтах от оперативного и разведывательного управлений Генерального штаба, но ни 3-го, ни 4 октября ничего особо тревожного в сообщениях не было.

5 октября истребители, как обычно, вылетали на барражирование. Командующий округом в этот день находился в Туле. Часов в 8 утра мне позвонил из Малоярославца находившийся там начальник оперативного отдела оперативной группы штаба МВО полковник Д.А. Чернов и доложил, что перед рассветом начали появляться отходившие мелкие группы тылов Резервного фронта, от которых стало известно, что гитлеровцы начали наступление, и части Резервного фронта отступают.

Это было расценено как паникерство отдельных тыловиков, ибо о начавшемся наступлении врага против Западного и Резервного фронтов никаких данных не поступило.

Было около 12 часов дня, когда командующий ВВС округа полковник Н.А. Сбытов доложил, что возвратившиеся с барражирования летчики видели колонну танков и мотопехоты противника, протяженностью до 25 км, двигавшуюся по направлению к Юхнову. Сообщение показалось настолько невероятным, что понадобилось дважды проверить этот факт, прежде чем решиться доложить о нем начальнику Генерального штаба. Одновременно начальником штаба округа было отдано распоряжение о немедленном приведении в боевую готовность Подольских пехотного и артиллерийского училищ и выдвигении их на Малоярославец для занятия обороны. Генерал И.С. Белов приказал выслать передовой отряд на автомашинах с артиллерией на Юхнов с задачей задержать противника и не допустить его прорыва на Малоярославец. По боевой тревоге были подняты и высланы на Можайскую ЛИНРПО также училище имени Верховного Совета РСФСР, Военно-политическое училище имени В.И. Ленина, сводный батальон Военно-политической академии имени В.И. Ленина, сводный танковый батальон Академии бронетанковых войск, 108-й запасной стрелковый полк и некоторые артиллерийские части. В Москве оставались две дивизии войск НКВД и 25 истребительных батальонов, несших охрану центральных партийных и советских органов, важнейших объектов и патрульную службу.

Через несколько минут после доклада Б.М. Шапошникову позвонил И.В. Сталин. Он спросил, кто докладывал начальнику Генерального штаба о движении противника на Юхнов. Я ответил.

Сталин осведомился о надежности этих данных. После моих заверений последовал вопрос о принятых округом мерах. В заключение разговора Сталин сказал: «Хорошо, продолжайте действовать решительно, собирайте все силы, которые могут быть брошены на Можайский рубеж, надо выиграть время, а там будут подведены необходимые силы. Докладывайте обо всем происходящем через Генштаб».

Как впоследствии рассказывали офицеры штабов соединений Западного и Резервного фронтов, на рассвете 2 октября авиация противника нанесла сильный удар по основным и запасным узлам связи фронтов и армий, большинство самолетов связи было уничтожено на аэродромах. Вслед за этим танки и мотопехота прорвались в тыл, и связь с Москвой полностью нарушилась. Этим объяснялось отсутствие у Генерального штаба сведений о противнике».

6 октября 1941 года войска Западного фронта получили приказ на отход, но было уже поздно – на следующий день танки Гота и Гёпнера соединились в Вязьме, замкнув кольцо окружения. В общей сложности в «котле» оказались 64 советских дивизий, 11 танковых бригад и другие войска. Какой-то их части удалось вырваться из вражеского кольца, большинство же погибло или попало в плен.

Путь на Москву был открыт. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что разрыв в линии фронта достигал примерно 150 км, а с учетом участка Брянского фронта – все 250 км. К 10 октября немецкие танки достигли Гжатска (ныне – Гагарин), Медыни и

Калуги и после короткой паузы возобновили наступление. Пауза понадобилась, чтобы подтянуть пехоту, поскольку наступать одними танками немцы не практиковали (и правильно делали). А пехота была занята ликвидацией окруженных в Вяземском «котле» советских войск. Отсюда и задержка, пусть небольшая, но существенная, так как за эти 5–6 дней советское командование сумело перебросить на Можайскую линию обороны 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артполков и другие части. Остановить совсем немецкое наступление они, конечно, не могли, но вот замедлить – вполне. И им это удалось: за первые 10 дней наступления немецкие войска прошли 150 км, а за последующие 15 – только 50 км! Исключение составило только калининское направление, тут немцы продвигались довольно быстро. Только вот непонятно зачем?

Если посмотреть на схему оборонительного сражения под Москвой, можно увидеть то же самое, что и на схеме операции «Барбаросса», – растопыренную пятерню вместо кулака. Три танковые группы наступали почти по параллельным направлениям. Две по замыслу должны были осуществить охват Москвы с севера и юга, а одна – наступать с запада. Удивительно, но, судя по воспоминаниям немецких генералов, все они считали такой план реальным. Увы, реальным он был бы где-нибудь в Бельгии, которая по площади меньше Московской области, но не в России. Помимо всего прочего, отличие Бельгии от Московской области заключается еще и в том, что за Бельгией – море, а за Московской областью – Владимирская, за ней – Горьковская, и так почти до бесконечности (по европейским меркам, разумеется). Окружить Москву было невозможно, для этого у немцев просто не хватило бы сил. А вот на удар всеми силами с запада или с северо-запада хватило бы. Особенно если бы одна танковая группа была в резерве. В этом случае немцам не потребовалась бы упомянутая выше пауза – танки Гудериана заняли бы Можайский рубеж до подхода советских дивизий. Тем более что готовность этого рубежа составляла на разных участках от 40 до 70 %. Нетрудно подсчитать, что резервные соединения Красной Армии вступали бы в бой немецкими танками уже где-то в районе Одинцово и вряд ли смогли бы их удержать.

С учетом всех обстоятельств – от ментальности нашего народа до географических особенностей страны – немцы могли взять Москву только с налета – либо летом, либо осенью, но с налета. То есть очень быстро, не давая опомниться, осмотреться и окопаться. Если русский солдат окопался, то все, сдвинуть его с места очень трудно. А окапывались русские, по свидетельству тех же немцев, очень быстро.

Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и возможность взятия Москвы в ноябре 1941 года, в рамках второго немецкого наступления на столицу. Для этого, правда, немцам все равно потребовались бы дополнительные силы, чтобы «дожать» те 26 км, которые они так и не сумели преодолеть.

Представим себе, что эти силы нашлись. Ну, скажем, действительно взяли и перебросили под Москву танковую группу Листа. Вводить ее в бой целесообразнее всего было на стыке 16-й и 5-й армий Западного фронта, чтобы ворваться в Москву с запада. Вполне вероятно, танкам Листа удалось бы прорвать фронт. Но вот что дальше? Дальше им пришлось бы преодолеть оборонительные полосы Московской зоны обороны. Таких полос было четыре:

1. Полоса обеспечения, идущая параллельно внешнему поясу.
2. Основная оборонительная полоса в виде полукольца в направлении от Москвы-реки, в районе села Крылатское, через западную окраину Кунцева, Аминьево, Раменки, Никольское, совхоз Воронцово, Беляево, Деревлево, Зюзино, Волхонку, Сабурово, Царицыно.
3. Вторая оборонительная полоса в виде кольца, замкнутого вокруг Москвы.
4. Оборона внутри города в виде кольцевых (включая Садовое и Бульварное кольца) и радиальных заграждений и укреплений.

Естественные, экономические и стратегические условия способствовали созданию такой глубокоэшелонированной обороны. Так, в полосе внешнего пояса обороны и основной оборо-

нительной полосы имелось много водных рубежей – водохранилища, реки, а также большое количество оврагов, которые оборудовались в противотанковом отношении путем устройства эскарпов и контрэскарпов. Здесь было много лесов, которые при устройстве завалов служили противотанковыми и противопехотными препятствиями. Наличие высот, господствующих над впереди лежащей местностью, позволяло использовать их для устройства огневых точек. Подмосковье изобиловало населенными пунктами со строениями, которые могли быть оборудованы как огневые точки и опорные пункты.

Особенностью второй оборонительной полосы являлось наличие сплошных каменных строений, пригодных для оборонительных целей. От Окружной железной дороги начинались улицы, ведущие внутрь города. Поэтому входы в город надо было заградить искусственными препятствиями.

Строительство подмосковных оборонительных рубежей – окопов, противотанковых рвов, эскарпов, контрэскарпов, надолб, противотанковых ежей, командных и наблюдательных пунктов, пулеметных и пушечных огневых точек и других сооружений – началось летом и продолжалось до конца 1941 года. По неполным данным, на подмосковных рубежах и в самой Москве было создано 325 км противотанковых препятствий (не считая минных полей), 256 км противопехотных препятствий; устроено до 3700 огневых точек, из них 1500 железобетонных и 1275 дзотов; установлено 37 500 металлических ежей.

В начале декабря 1941 года войска Московской зоны обороны располагали следующими силами:

а) на внешнем поясе обороны – 60-я армия в составе 329-й стрелковой и 11-й кавалерийской дивизий, шести стрелковых бригад, 323-го пулеметного батальона, 2-й Московской стрелковой дивизии; 24-я армия в составе двух стрелковых дивизий и восьми стрелковых бригад; 40-й стрелковой бригады;

б) на основной оборонительной полосе – 3, 4 и 5-я Московские стрелковые, 332-я стрелковая дивизии, девять артиллерийских полков, восемь артиллерийских дивизионов, пять пулеметных батальонов, семь огнеметных рот, три роты собак – истребителей танков;

в) резерв – две стрелковые дивизии, четыре стрелковые бригады, особый отряд моряков, стрелковый батальон Военного совета Московской зоны обороны, кавалерийский эскадрон, мотоциклетный батальон, три бронепоезда.

В этих частях и соединениях насчитывалось около 200 тыс. человек, 850 орудий различных калибров (не считая зенитной артиллерии), 870 минометов, 1450 станковых и 2500 ручных пулеметов. В составе 1-го корпуса ПВО, обеспечивавшего противовоздушную оборону Москвы, насчитывалось 1044 орудия средних и малых калибров и 336 пулеметных установок.

К чему приводятся все эти данные? Да к тому, что штурмовать Москву было непросто. По мере приближения немецких войск к городу ожесточенность сопротивления советских войск все больше возрастала. Скорее всего, части Вермахта завязли бы уже в пригородах, даже не добравшись до кольцевой железной дороги (в то время граница Москвы). Даже в случае проникновения в собственно городские кварталы продвижение немецких войск было бы очень медленным и ограничилось бы Москвой-рекой. Ареной наиболее ожесточенных боев стали бы, безусловно, Воробьевы горы – главная московская высота, главенствующая абсолютно над всем городом. В этом плане наиболее выгодным (если, конечно, в этом случае применимо такое понятие) для защитников было северо-западное направление. Помимо удобного для обороны рельефа местности, здесь, в районе подмосковных деревень Строгино, Мякинино и Троице-Лыково, было сосредоточено большое количество батарей зенитной артиллерии в основном средних калибров. Дело в том, что это направление совпадало с маршрутом, по которому немецкая авиация совершала налеты на Москву. Думается, что в случае прорыва в этот район немецких танков им пришлось бы несладко. Тем более что обучать московских зенитчиков стрелять по танкам начали еще в сентябре 1941 года. В условиях конца ноября немцам

не удалось бы взять Москву с ходу. Волей-неволей они втянулись бы в затяжные уличные бои, теряя свои преимущества в маневре, в слаженности родов войск и т. д. Ситуация усугублялась наступившей зимой, к которой русские были готовы, а немцы – нет. Но отступить им не позволил бы Гитлер, отступить из Москвы для него было равносильно самоубийству.

Вам эта ситуация ничего не напоминает? Правильно, Сталинград. Только в другом месте и в другое время. И с последствиями едва ли не худшими для немцев. Сколько можно было штурмовать Москву? Да практически бесконечно, бросая в эту мясорубку все новые и новые войска. Но у русских войск было все равно больше, а любая стабилизация фронта, пусть даже такой ценой, чрезвычайно выгодна. Можно только гадать, где были бы нанесены контрудары помимо реально состоявшихся под Тихвином и Ростовом. Наверняка по-иному сложилось бы и контрнаступление под Москвой. В том, что оно началось бы, не стоит сомневаться. Увязая в городе, немцы сами подставлялись по полной – точно так же, как это происходило в Сталинграде. Получается парадокс – войди немцы в Москву, их последующий разгром был бы куда страшнее реально состоявшегося. Возможно, в 1942-м немцы уже не дошли бы до Сталинграда.

Владимир Бешанов

Гитлер-победитель. Мог ли фюрер выиграть войну? Упущенный шанс Гитлера: операция «Блау»

«Летом 1942 года победа могла быть желанной, но весьма далекой перспективой. Не только Великобритания, но и ее американские, русские и китайские союзники вынуждены были ограничиваться в своих планах ближайшей задачей – избежать поражения от врагов, сила которых, как тогда казалось, возрастала и походила на лавину, получившую толчок...»

М. Говард. «Большая стратегия»

28 марта 1942 года в Ставке Адольфа Гитлера, фюрера германской нации, Верховного Главнокомандующего Вермахта, главнокомандующего сухопутных сил, «величайшего полководца всех времен» и прочее, состоялось совещание, на котором был принят план летней кампании. Исход войны, вопреки железной воле «аккумулятора германского народа», по-прежнему решался на Востоке. Поэтому главными задачами, поставленными перед Вермахтом, было перехватить инициативу у недобитой по недоразумению Красной Армии, подло использовавшей в свою пользу стихийные силы природы – грязь, мороз, дороги, комиссаров, – окончательно уничтожить ее живую силу и лишить Советский Союз важнейших экономических центров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания